

ПРИЛОЖЕНИЕ

М. IVNIANI IVSTINI
EPITOMA HISTORiarVM
PHILIPPICARVM
POMPEI TROGI

ЮСТИН
ЭПИТОМА СОЧИНЕНИЯ
ПОМПЕЯ ТРОГА

ПРОДОЛЖЕНИЕ

КНИГА XX

Гл. 1. (1) Вытеснив карфагеня из Сицилии, Дионисий¹ захватил власть над всем островом², а поскольку он считал, что мирное положение угрожает его господству, а бездействие для его огромного войска опасно, он переправил свои войска в Италию с тем, (2) чтобы одновременно и босвые качества его солдат усовершенствовались от постоянного преодоления трудностей и пределы его владений расширились. (3) Первый его поход [был направлен] против греков, которые владели ближайшими [к Сицилии] берегами Итальянского моря; (4) после победы над ними он нападает уже на их соседей и считает своими врагами всех греков³, владеющих [землями] в Италии; (5) а [греческие] племена (*gentes*) в ту пору завладели не частью Италии, а почти всей [страной]⁴. (6) Даже и до сих пор, спустя столько веков, многие города обнаруживают следы греческих нравов и обычаев. (7) Ведь тусские народы (*populi*), которые владеют побережьем Нижнего моря, пришли из Лидии, (8) а венстов, которых мы видим сейчас живущими у берегов Верхнего моря, привел сюда их вождь Антенор, когда была взята и покорена Троя. (9) И Адрия, лежащая у самого Иллирийского моря и давшая имя Адриатическому морю, также греческий город. (10) Арпы основал Диомед, занесенный в эти места при кораблекрушении, после разгрома Илиона. (11) Да и основателями Пизы в области лигуров и Тарквиний в области тусков являются греки. Фессалийцами [основана] Спина в области умбров, а жители Перузии ведут свое происхождение от ахеян. (12) А что сказать о городе Цере? А о латинских народностях, которые, повидимому, ведут свое происхождение от Энея? (13) А разве фалиски, жители Нолы и Абеллы, не переселенцы из Халкиды? (14) А что представляет собой вся Кампанская область? А бруттии и сабины? (15) А самниты? А жители Тарента, которых мы считаем выходцами из Лакедэмона, из числа так называемых «псаконнорожденных»⁵? (16) Город Фурии основал, как передают, Филоктет; там до сих пор можно видеть его надгробие, а в храме Аполлона — стрелы Геркулеса, которые решили судьбу Трои.

¹ Дионисий I, тиран сиракузский с 406 по 367 г. до н. э.

² Речь идет об окупании войны (393—392 гг. до н. э.) Дионисия с преемником Гимилькона Магоном. По условиям мира карфагеняне признали господство Дионисия над всеми восточными и центральными частями острова. См. *D i o d.*, XIV, 95—96.

Анализ источников по истории Сицилии во времена правлений Дионисия I, Дионисия II и Агафокла (*I u s t.*, XX—XXIII), с привлечением данных нумизматики — см. у *E. A. F r e m a n*, *History of Sicily from the Earliest Times to the Death of Agathokles*, т. IV, Oxford, 1894; см. также *G. G l o t z*, *Histoire grecque*, т. III, стр. 380 слл.; т. IV, стр. 375 слл.

³ Вскоре после поражения Магона Дионисий предпринял вторичное неудачное нападение на Регий (*D i o d.*, XIV, 100), который он взял только при третьей попытке в 386 г. до н. э. (*D i o d.*, XIV, 114).

⁴ Подробный анализ античной традиции о греках в Италии см. *J. B é r a r d*, *La colonisation grecque de l'Italie méridionale et de la Sicile dans l'antiquité; l'histoire et la légende*, P., 1941.

⁵ Ср. выше, III, 4, 7 слл.

Гл. 2. (1) Жители Метапонта тоже показывают в храме Минервы железные орудия, которыми Эпей, основатель [Метапонт¹], соорудил Троянского коня. (2) Вследствие этого вся эта часть Италии называется Великой Грецией. (3) Однако сперва жители Метапонта, Сибариса и Кротона¹ решили было изгнать из Италии остальных греков. (4) Как только они взяли город Сирис², то во время захвата города убили у самых жертвенников пятьдесят юношей, обнявших статую Минервы, и жреца этой богини, одетого в жреческое облачение. (5) Когда в возмездие за это [преступление] они стали страдать от чумы (peste) и раздоров, жители Кротона первыми обратились за советом к Дельфийскому оракулу. (6) Оракул изрек, что несчастья их прекратятся, если они умоливают оскорбленную богиню Минерву и тени (manes) убитых. (7) Поэтому жители Кротона начали изготавливать статуи юношей в натуральную величину, а прежде всего статую Минервы. Между тем и жители Метапонта, узнав об этом прорицании бога и считая, что им следует опередить кротонцев в умиротворении и манов и Минервы, посвящают юношам небольшие каменные изображения, а богиню умоливают жертвенными хлебами. (8) И от этого чума прекратилась в обоих городах, ибо жители Кротона старались превзойти жителей Метапонта пышностью [своих даров], а те их — быстротой. (9) Избавившись от болезни, жители Кротона угомонились не надолго: (10) они были недовольны тем, что жители Локр оказали помощь жителям Сириса во время его осады и начали против локрийцев войну. (11) Испуганные локрийцы прибегли к спартамцам с мольбой о помощи. (12) Спартамцы, не желая предпринимать такой далекий поход, велели им просить помощи у Кастора и Поллукса³. (13) Послы не пренебрегли советом союзного города, отправились в ближайший храм, принесли там жертвы и просили [обоих] богов о помощи. (14) Получив при жертвоприношениях счастливые предзнаменования и веря, что их мольбы услышаны, они отплыли назад [тоже] при счастливых предзнаменованиях, и, радуясь не меньше, чем если бы сами боги выразили намерение плыть с ними вместе, они поставили для них на корабле ложа и, не привези с собой вспомогательных отрядов, привезли зато утешение.

Гл. 3. (1) Жители Кротона, узнав об этом, в свою очередь отправили послов к Дельфийскому оракулу, испрашивая себе победу и благоприятный исход военных действий. (2) Ответ — «врагов можно скорей победить обетами, чем оружием». (3) Когда они обещали Аполлону десятую часть добычи, жители Локр, узнав о вражеском обете и об ответе бога, обещали ему девятую часть и хранили это дело втайне, чтобы [враги] не превзошли их еще более щедрым обетом. (4) Когда завязался бой⁴ и кротонцы выставили сто двадцать тысяч вооруженных, локрийцы, видя, что силы их ничтожны (у них было только пятнадцать тысяч воинов), и потеряв надежду на победу, все вместе решились встретить неминуемую смерть, (5) и в этом безнадежном положении каждого из них охватил такой воинственный пыл, что, как им казалось, они победят, если умрут, отомстив. (6) Однако, стремясь достойно умереть, они имели счастье одержать победу, причиной которой было не что иное, как отчаяние. (7) В то время, как локрийцы сражались, их боевую линию ни на минуту не покидал орел и до тех пор летал над ними, пока они не победили. (8) А кроме того, на обоих флангах видели участвовавших в битве двух молодых людей необычайно высокого роста, одетых в алые воинские плащи, на белых конях и в доспехах, не похожих на доспехи остальных воинов; их видели только до тех пор, пока длилась битва. (9) Удивление, вызванное этим [чудом], еще возросло благодаря тому, что молва [о сражении] распространилась с не-

¹ О союзе этих трех городов ср. S t r a b o, VI, 1, 15.

² Подобный рассказ, связанный с колонизацией Сириса жителями Колофона, имеется у С т р а б о н а (VI, 1, 14).

³ Ср. D i o d., VIII, 32 (L o e b). Кастор и Поллукс — Диоскуры («сыновья Зевса») — считались богами-покровителями Спарты.

⁴ Битва при р. Сагре. Ср. S t r a b o, VI, 1, 10. Б е р а р (ук. соч., стр. 206) относит взятие Сириса и битву при р. Сагре приблизительно к 540—535 гг. до н. э.

вероятной быстротой: в тот же самый день¹, в который оно происходило, в Коринф, Афины и Лакедемон уже дошла весть о победе [локрийцев].

Гл. 4. (1) После этого [поражения] жители Кротона совсем [перестали] стремиться к доблести и оставили всякую заботу о военном деле, (2) так как возненавидели то, за что взялись [столь] неудачно, и полностью предались бы распущенности, если бы не философ Пифагор. (3) Пифагор², сын богатого купца Демарата, родился на острове Самосе; укрепив свой ум основами мудрости, он отправился³ сначала в Египет, затем в Вавилонию с целью изучить движение светил и исследовать происхождение мира и достиг вершин знания. (4) Вернувшись, Пифагор отправился на остров Крит и в Лакедемон, чтобы ознакомиться с знаменитыми в те времена законами Миноса и Ликурга. (5) Обогащенный всеми этими знаниями, он прибыл в Кротон⁴ и своим влиянием вернул народ, впавший в изнеженность, к умеренности. (6) Ежедневно восхвалял он добродетель, перечислял пороки, [порождаемые] распущенностью, и государства, павшие вследствие этой язвы, (7) и вызвал у всех жителей Кротона такое стремление к воздерженности, что казалось невероятным встретить хотя бы у некоторых из них любовь к роскоши. (8) Он часто наставлял замужних женщин отдельно от их мужей, а детей отдельно от родителей. (9) Женщин он учил целомудрию и покорности мужьям, детей — скромности и стремлению к наукам. (10) Во время этих наставлений он внушал всем, что мать всех добродетелей — благоразумная умеренность. (11) Настойчивостью своих увещаний он добился того, что матроны отказались от расшитых золотом одежд и остальных знаков своего высокого положения, как способствующих изнеженности, и, сняв их в храм Юноны, посвятили самой богине, (12) как [бы] желая показать этим, что истинным украшением матроны является целомудрие, а не наряды. (13) Насколько он переломил нравы юношества, можно видеть из этой его победы над женским упрямством. (14) Но триста молодых людей связали себя некоей клятвой, образовав союз, и стали жить, отделившись от прочих граждан, как бы объединенные тайным заговором⁵. (15) Этим они возбудили против себя своих сограждан, которые хотели их сжечь, когда они все сошлись в один дом. (16) Во время этого возмущения около шестидесяти из их числа погибли; остальные ушли в изгнание. (17) А Пифагор, проживши двадцать лет в Кротоне, переселился в Метапонт, где и умер. (18) Он был окружен там таким поклонением, что дом его превратился в храм, его самого почитали как бога⁶.

Гл. 5. (1) Итак, тиран Дионисий, как было упомянуто выше, переправил войска из Сицилии в Италию и начал войну с греками⁷. Взяв приступом Локры, он напал на кротонцев, которые едва собрались с силами после долгого мира, последовавшего за

¹ Ср. P l u t., Aem. Paul., 25,1.

² По другим авторам (H e r., IV, 95; D i o g. L a e r t., VIII, 1), отцом Пифагора был Мнесарх. Основные источники о жизни и учении Пифагора: Vitae Pythagorae P o r f i r i a и Я м б л и х а; D i o g. L a e r t., VIII, 1—50. Согласно Д и о г е н у (VIII, 1), Мнесарх был резчиком по драгоценным камням (δακτυλιόγλυφος). О философии и политической деятельности Пифагора см. «История философии», т. I, М., 1940, стр. 40—49; T. B u r n e t, Early Greek Philosophy, 4-е изд., N. Y., 1930; K. F r i t z, Pythagorean Politics in Southern Italy. An Analysis of the Sources, N. Y. 1940.

³ О путешествиях Пифагора см. места, ук. выше, и C i c e r o, de fin., V, 29; S t r a b o, XIV, 1,16, стр. 638; I s o c r., XI, 28.

⁴ Повидимому, ок. 531 г. до н. э.

⁵ Кроме ук. мест, см. D i o d., X, 11, 1 (Loeb).

⁶ Ср. C i c e r o, de fin., V, 2.

⁷ О походе против Регия (ок. 390 г. до н. э.) см. выше, XX, 1,3—4 и прим. Город Локры в то время был союзником Дионисия (D i o d., XIV, 100, 2). Согласно Диодору, войска противников Дионисия выступили на помощь Регию от Кротона. На этот последний Дионисий совершил нападение значительно позднее, в 379 г. до н. э. (L i v., XXIV, 3; A t h e n., XII, стр. 541 b; D i o n. H a l., Ant. Rom., XX, 7). Хронология этих походов Дионисия в Италию представляет некоторые трудности — см. литературу, цитированную G l o t z'ем, Histoire grecque, т. III, стр. 399, прим. 65, стр. 401.

поражением в предыдущей войне. (2) Однако [на этот раз] они сопротивлялись с небольшим войском огромному войску Дионисия более храбро, чем в прошлом со столькими тысячами [воинов] небольшому количеству локрийцев. (3) Настолько больше доблести придает бедность по сравнению с неумеренным богатством, настолько победа, на которую не надеются, вернее, чем та, на которую падают. (4) В то время, как Дионисий вел эту войну, к нему с просьбой о союзе и дружбе пришли послы от галлов¹, которые за несколько месяцев до того сожгли Рим. (5) Послы утверждали, что поскольку их народ расселен среди врагов Дионисия, ему [Дионисию] галлы могут быть весьма полезны и в том случае, когда он будет сражаться с врагами лицом к лицу, и в том случае, если враги нападут на него с тыла. (6) Это посольство было крайне приятно Дионисию. Поэтому он заключил с галлами союз и, усилив свое войско галльскими вспомогательными отрядами, начал войну как бы сызнова. (7) Причиной вторжения галлов в Италию и их желания найти новые места для поселения были внутренние раздоры и постоянные междоусобицы на их родине. (8) Устав от них, они пришли в Италию, прогнали с мест поселения тусков и основали Медиолан, Ком, Бриксию, Верону, Бергом, Тридент, Видетию. (9) Туски тоже покинули земли своих отцов, под предводительством Рэта заняли Альпы и положили начало племени рэтов, прозванных так по имени вождя². (10) Но Дионисия заставило вернуться в Сицилию нападение карфагенян³, которые, вновь набрав войско, с новыми силами возобновили войну, которую прекратили из-за чумы. (11) Полководцем у карфагенян был Ганнон. (12) Его [личный] враг Суниат⁴, бывший в то время влиятельнейшим человеком у пунийцев, из ненависти к Ганнону предупредил Дионисия доверительным письмом, написанным на греческом языке, о приближении карфагенского войска и о бездеятельном характере его вождя; письма были перехвачены, Суниат был осужден за измену, и [карфагенский] сенат издал постановление, (13) чтобы «впредь ни один карфагенинец не учился ни писать, ни говорить по-гречески, дабы никто не мог ни разговаривать с врагом без переводчика, ни вести с ним переписку». (14) Немного спустя Дионисий, для которого еще недавно были тесны и Сицилия и Италия, пал духом от непрерывных военных неудач был в конце концов коварно убит своими [приближенными]⁵.

КНИГА XXI

Гл. 1. (1) После того как в Сицилии был убит тиран Дионисий, его солдаты избрали на его место старшего из его сыновей по имени Дионисия⁶, (2) соблюдая порядок,

¹ Согласно Д и о д о р у (XIV, 100, 5—101), в связи с походом на Регий (390 г.) Дионисий заключил союз с луканами. О союзе с галлами сообщает только Юстин. Союз относится, по мнению Г л о т ц а (ук. соч., стр. 403), ко времени грабительского похода Дионисия по берегам Этрурии (ок. 383 г. до н. э.; см. S t r a b o, V, 2, 8, стр. 226; D i o d., XV, 14, 3—4). В 369 г. кельты упоминаются в числе войск, посланных Дионисием в Пелопоннес на помощь лакедемонянам против фивян (X e n., Hell., VII, 1, 20, 28, 31; D i o d., XV, 70, 1).

² Ср. L i v., V, 33; P l i n., N. h., III, 24, 1.

³ В следующих параграфах Юстин, повидимому, объединяет в одну две последние войны Дионисия с карфагенянами: ок. 383—382 гг. до н. э. (D i o d., XV, 15—17) и ок. 368 г. до н. э. (D i o d., XV, 73, ср. P o l y a e n., V, 9).

⁴ Суниат нам известен только по изложению Юстина, но и Д и о д о р (XIV, 55) намекает на деятельность сицилийской разведки у карфагенян.

⁵ Иную версию о смерти Дионисия (367 г. до н. э.) передает Д и о д о р (XV, 74). У Т р о г а, возможно, отражен рассказ Тимея о том, как тирану, смертельно больному, дали снотворное средство, чтобы предотвратить разговор с Дионом о наследовании власти в Сиракузах. См. P l u t., Dion, 6 (ссылка на Тимея); N e r o s, Dion, 2.

⁶ Дионисий II, или Младший, правил с 367 по 356 г. и с 346 по 344 г. до н. э. Согласно Д и о д о р у (XV, 74, 5), власть Дионисия II была утверждена сиракузской эkkлeсией, но и поддержка, оказанная наемниками, должно быть, сыграла при этом немаловажную роль.

свойственный самой природе, а также полагая, что государство будет более сильным, если останется в руках одного, нежели если будет разделено на части между многими сыновьями. (3) Однако Дионисий с самого начала своего правления стал стремиться убрать с своего пути дядьев по матери своих братьев¹ под тем предлогом, что они являются его соперниками (*aemulos imperii*) и подстрекают юношей к разделу государства. (4) Однако он скрывал в течение некоторого времени это намерение и старался сначала завоевать расположение народа, [полагая], что ему тем легче простят задуманное им [преступление], чем больше его будут любить. (5) С этой целью он освобождает из тюрьмы три тысячи узников, отменяет на три года взимание податей с населения и всевозможными поблажками старается привлечь к себе все сердца. (6) После этого он переходит к выполнению задуманного преступления и убивает² не только родственников своих братьев, но и их самих; тем, кому он должен был дать возможность царствовать вместе с ним, он не хотел даже дать возможности дышать и жить. (7) Он стал тираном по отношению к своим близким прежде, чем по отношению к посторонним.

Гл. 2. (1) После того как Дионисий устранил соперников, он впал в бездействие, от чрезмерных излишеств стал тучным, а зрение его ухудшилось до такой степени, что он не мог выносить ни солнца, ни пыли, ни даже дневного света³. (2) И так как он думал, что вследствие этого его все презирают, то он начал свирепствовать и не темницы наполнил узниками, как его отец, а [все] государство трупами. (3) Вследствие этого он стал для всех не столько предметом презрения, сколько ненависти. (4) Поэтому, когда жители Сиракуз объявили ему войну⁴, он долго колебался, сложить ли ему власть, или сопротивляться. (5) Но солдаты, надеясь на добычу от разграбления города, вынуждают его начать сражение. (6) Он был побежден, и когда вторично испытал судьбу (*fortunam*) и опять не более удачно, он отправил к сиракузянам посольство⁵, давая клятвенное обещание, что сложит с себя власть тирана, если они пришлют [доверенных], с которыми он мог бы договориться о мире. (7) Посланных с этой целью первых лиц [в городе] он задерживает [силой] в акрополе, и в то время, как [сиракузяне] забыли всякую осторожность и не опасались никаких враждебных действий, посылает войско, чтобы разгромить город. (8) И вот в самом городе завязывается сражение, и горожане, превосходящие [войско Дионисия] численностью, отражают нападение. Боясь, что его осадят в акрополе, Дионисий бежит тайно в Италию со всеми царскими сокровищами. (9) Изгнанника приняли союзники его, жители Локр, а он, как будто законно вступив на престол, захватил крепость и стал проявлять обычную для него жестокость⁶. (10) Он приказывал жен первых лиц в городе силой приводить к себе для разврата, девушек уводил перед свадьбой и возвращал женихам обещанными. (11) Самых богатых граждан он или изгонял из города или приказывал убивать, а их собственность присваивал себе.

Гл. 3. (1) Наконец, когда возможности грабежа были исчерпаны, он хитрым замыслом обманул все государство. (2) Некогда локрийцы страдали от нападений регийского тирана Леофрона и дали обет, что если они победят, то в день праздника Венеры

¹ У Дионисия I были две жены и дети от обеих из них. См. P l u t., Dion., 6; D i o d., XVI, 6. Одним из дядьев по матери сводных братьев Дионисия II был Дион. Являвшийся первоначально соправителем с младшим Дионисием, Дион затем был изгнан и, возвратившись в Сицилию с помощью своих наемных войск, заставил тирана бежать из Сиракуз (356 г. до н. э.). См. P l u t., Dion; D i o d., XVI, 6; 9—13; 16—20.

² Это сообщение неверно. См. выше, прим. к XXI, 1, 3, и ниже, прим. к XXI, 3, 10.

³ Ср. D i o d., XVI, 5; P l u t., Dion, 7.

⁴ Речь идет, повидимому, о возвращении в 357 г. до н. э. Диона, войска которого осаждали тирана в акрополе Сиракуз — Ортигии. См. P l u t., Dion, 27—29; D i o d., XVI, 10—11.

⁵ С § 6—8 ср. P l u t., Dion, 30—37; D i o d., XVI, 11—13, 16—17.

⁶ О поведении Дионисия в Локрах и мщении локрийцев см. A t h e n., XII, 541, d-e; A e l., Var. Hist., IX, 8; P l u t., Mor., 821 D; S t r a b o, VI, 1, 8.

привесут в жертву богине девственность своих дочерей. (3) Обета этого они [в то время] не исполнили, и, когда в войне¹ с луканами они потерпели неудачу, Дионисий созывает их на собрание. Он убеждает их послать в храм Венеры своих жен и дочерей в наилучших нарядах. (4) Из них пусть будут выбраны по жребию сто для исполнения обета, данного всем государством; пусть [эти сто], выполняя религиозный долг, в течение месяца пробудут в лунанаре; все мужчины-де должны заранее поклониться, что никто из них не коснется ни одной; (5) а чтобы это не принесло ущерба тем девушкам, которые выполняют общегосударственный обет, пусть будет издано постановление, чтобы, пока все они не найдут себе мужей, ни одна другая девушка не имела права выйти замуж. (6) Этот совет, который давал возможность и выполнить религиозный обет и сохранить девичье целомудрие, был одобрен. Все женщины в самых лучших и дорогих нарядах наперебой поспешили в храм Венеры. (7) А Дионисий, послав солдат, ограбил женщин и все наряды и украшения матрон сделал своей добычей. (8) Мужей некоторых из них, наиболее богатых, он убил, а некоторых [женщин] подверг пыткам, чтобы они выдали ему все, что знают о богатстве своих мужей. (9) Такими ухищрениями он процарствовал в течение шести лет, но был изгнан заговорщиками из государства локрийцев и возвратился в Сицилию. (10) Здесь, благодаря предательству, он захватил Сиракузы², где все стали беспечны, так как долго уже не было войн.

Гл. 4. (1) Пока это происходило в Сицилии, в Африке между тем первый человек среди карфагянн, Ганнон³, уюпорбил свои богатства, — а он владел средствами большими, чем государственная казна, — на то, чтобы добиться господства; он попытался, убив сенаторов, захватить власть. (2) Для совершения этого преступления он избрал торжественный день свадьбы своей дочери, чтобы легче было прикрыть нечестивые замыслы святостью религиозных обрядов. (3) Для народа он устроил пир в общественных портиках, сенаторам же приготовил пиршество в своем доме, чтобы, всыпав в кубки яд, истребить сенаторов тайно, без свидетелей, и тем легче овладеть государством, лишенным правителей. (4) Слуги сообщили об этом [замысле] должностным лицам, и преступление было предотвращено, но не отомщено [из опасения], как бы ввиду могущества этого человека раскрытие дела не принесло больше затруднений, чем сохранение его в тайне. (5) Удовольствовались поэтому тем, что особым постановлением определили размеры расходов на свадебные празднества и сделали распоряжение, чтобы это соблюдалось не одним кем-либо, а всеми без исключения, дабы было ясно, что имеется в виду не какой-нибудь определенный человек, но исправление пороков. (6) Предупрежденный этим постановлением, Ганнон, однако, [опять] подстрекает своих рабов и снова назначает день для убийства [сенаторов]. Когда же он убедился, что снова предан, то, испугавшись суда, он укрепился с двадцатью тысячами вооруженных рабов в какой-то небольшой крепостце. (7) Здесь его захватили в то время, как он побуждал [к войне против Карфагена] афров и царя мавров. Его избили розгами, выкололи ему глаза, перебили руки и голени, как будто наказания заслуживал каждый член его тела, а затем убили на глазах у народа. Истерзанное ударами тело его пригвоздили к кресту. (8) Были преданы казни его сыновья и все родственники, даже ни в чем не повинные, чтобы никого не осталось из этого нечестивого рода, ни для того, чтобы повторить преступление Ганнона, ни для того, чтобы отомстить за его смерть.

Гл. 5. (1) Между тем Дионисий, снова захвативший Сиракузы, со дня на день делался ненавистнее для сограждан и все свирепее. Против него вторично составилась заговор⁴. (2) Тогда он отказался от власти, сдал сиракузянам акрополь вместе с вой-

¹ См. ниже, прим. к XXIII, 1, 11.

² 346 г. до н. э. Ср. P l u t., Timol., 1,2, согласно которому Дионисий возвратился после десяти лет изгнания и лишился власти в Сиракузах своего сводного брата Нисея.

³ Нижеследующее сообщение о Ганноне сохранилось только у Юстина и О р о з и я (IV, 6, 16—20), который, впрочем, следует Юстину.

⁴ Речь идет об обращении сиракузян — за помощью против тирана и карфагянн — к своей метрополии, к Коринфу. Из Коринфа был прислан с небольшим от-

ском и, получив лично ему принадлежавшее имущество, отправился в изгнание в Коринф. (3) Он считал, что чем ниже он падет, тем безопаснее это будет для него; поэтому он опустился до самого грязного образа жизни. (4) Он не довольствовался тем, чтобы слоняться у всех на глазах, но стал пьянствовать; не только показывался в трактирах и публичных домах, но и сидел в них целыми днями; (5) рассуждал о разных пустяках с самыми потерянными людьми, ходил грязным и оборванным; скорее он [невольной] подавал повод к насмешкам, чем искал их; (6) постоянно торчал на мясном рынке, пожирая глазами то, чего не мог купить; судился у эдилов со сводниками — (7) делал все, чтобы казаться скорее презренным, чем страшным. (8) В конце концов, сделавшись учителем¹, он стал обучать мальчишек на перекрестках, может быть, для того, чтобы те, кто еще его боялся, постоянно видели его в общественном месте, а те, кто уже не боялся, имели еще больше оснований его презирать. (9) Однако, хотя [любые] тираны всегда преисполнены разных пороков, но эти его пороки были притворством, а не природным его характером. Его поведение было скорее хитрой уловкой, чем потерей сознания своего царского достоинства, так как он убедился, сколь ненавистно имя тирана, даже потерявшего власть. (10) Он старался уменьшить ненависть к своему прошлому презрением к своему настоящему и заботился не столько об уважении, сколько о безопасности. (11) Но даже, прибегнув ко всем этим хитрым уловкам, он трижды был обвинен в стремлении к тирании и только благодаря презрению, которое он внушил к себе, был оправдан.

Гл. 6. (1) Между тем² карфагеняне, испуганные столь великими успехами Александра Великого, стали опасаться, что он и Африку захочет присоединить к Персидскому царству. С целью проникнуть в намерения его, они посылают к нему Гамилькара, по прозвищу Родана, человека, выдававшегося среди других ловкостью и даром слова. (2) Их страх все возрастал — оттого, что взят был Тир, их метрополия, (3) и оттого, что на границах Африки и Египта основана была Александрия, соперница Карфагена, (4) и оттого, что счастье всегда сопутствовало царю [Македонии], алчность и удачливость которого не знали границ. (5) Итак, Гамилькар, добившись через Пармениона доступа к царю, притворился, будто бы бежал к Александру после изгнания из родины и предложил стать рядовым солдатом в его походах. (6) Выведывая таким образом замыслы Александра, он обо всем сообщал своим согражданам на деревянных дощечках, покрытых сверху слоем чистого воска. (7) Когда по смерти царя [Александра] Гамилькар возвратился на родину, то карфагеняне предали его смерти за то, что он якобы хотел продать царю свой город, показав [при этом не только неблагодарное, но и жестокое сердце.

КНИГА XXII

Гл. 1. (1) Сипилейский тиран Агафокл, который унаследовал могущество старшего Дионисия³, достиг царской власти, будучи сам низкого и презренного происхождения; (2) он родился в Сицилии, а отцом его был горшечник⁴. Детство и юность его были не

рядом Тимолеонт, которому в 343 г. до н. э. Дионисий сдался, после чего был отправлен в Коринф См. P l u t., Timol., 1—15; N e r o s, Timol., 2; D i o d., XVI, 70, 1—2.

¹ Ср. V a l. M a x., VI, 9, ext. 6; C i c e r o, Tusc., III, 12.

² Ср. O g o s., IV, 6, 21; F r o n t., I, 2, 3. По данным § 2—5, посольство Гамилькара Родана довольно точно датируется Юстином периодом между основанием Александрии (в кон. 332 г. до н. э. или в нач. 331 г. до н. э.) и смертью Пармениона (осенью 330 г. до н. э.). Так как нам неизвестно, когда умер Дионисий II, вполне возможно, что в 331—330 гг. до н. э. он все еще бедствовал в Коринфе. См. N i e s e R E, т. V, стр. 908.

³ Агафокл правил с 317 по 289 г. до н. э.

⁴ Агафокл родился в 361 г. до н. э. в гор. Ферме, приехал в 343 г. в Сиракузы и стал их гражданином благодаря специальному постановлению Тимолеонта, предлагающему права гражданства Сиракуз всем грекам в Сицилии. Согласно Диодору,

благороднее, чем его происхождение. (3) Он был замечательно красив лицом и телом и добывал средства к жизни, служа орудием разврата. (4) Когда он достиг более зрелого возраста, он перешел от разврата с мужчинами к разврату с женщинами¹, (5) затем, приобретя недобрую славу у обоих полов, стал заниматься грабежами. (6) Спустя некоторое время он переселился в Сиракузы, был принят в число граждан и поселился там прочно, (7) но долгое время не пользовался доверием, так как его считали человеком, которому нечего терять, [так как он не имел] ни имущества, ни честного имени. (8) В конце концов он попал на военную службу рядовым солдатом, настолько же стал бунтарем, насколько прежде был развратником, и был всегда готов пойти на любое преступление, (9) ибо он был очень отважен и на сходках говорил очень красноречиво². (10) Поэтому спустя короткое время он был произведен в центурионы, а затем и в военные трибуны. (11) Во время первой войны против жителей Этны³ он показал себя сиракузянам с наилучшей стороны. (12) Во время следующей войны, с кампаниями⁴ он стал подавать такие надежды, что его выбрали на место умершего полководца Дамаскона⁵. (13) После смерти Дамаскона Агафокл женился на его жене, которая была его любовницей [еще при жизни мужа]. (14) Не довольствуясь тем, что из бедняка он внезапно стал богачом, Агафокл занялся морским разбоем и грабил свою же родину⁶. (15) Его спасло то, что его сообщники, когда их схватили и подвергли пытке, отрицали его соучастие. (16) Дважды Агафокл пытался захватить власть в Сиракузах⁷, дважды был изгнан.

Гл. 2. (1) Из ненависти к сиракузянам жители Мургантин⁸, к которым он ушел в изгнание, избрали его сначала претором, затем полководцем. (2) Во время этой войны Агафокл взял город Леонтины и начал осаду Сиракуз, родного своего города. (3) На помощь сиракузянам, вняв их мольбам и оставив прежнюю вражду и ненависть, прислал вспомогательный отряд пунийский полководец Гамилькар⁹. (4) Таким образом, в одно и то же время враг, движимый гражданскими чувствами, защищал Сиракузы, а их же гражданин, движимый враждой, осаждал их. (5) Когда Агафокл увидел, что защитники города сильнее, чем осаждающие, он через подосланных лиц стал умолять

Агафокл, подобно отцу, в юности занимался горшечным ремеслом. См. D i o d., XIX, 2; XXI, 16,5; P o l y b., XII, 15,6. Источниковедческий экскурс о начале деятельности Агафокла см. у F r e e m a n, ук. соч.; App. VII.

¹ Эти сведения (ср. P o l y b., XII, 15,2), повидимому, взяты из «Истории» Тимея — источника, крайне отрицательно настроенного по отношению к Агафоклу, широко использованного Трогом, по мнению Эмманна, при изложении истории Сицилии и Южной Италии (A. E n m a n n, Ueber die Quellen der sicilischen Geschichte bei Pompeius Trogus, Dorpat, 1880).

² Ср. D i o d., XIX, 3,2.

³ Согласно D и o d o p y (XIX, 3,1), Агафокл начал военную карьеру хилиархом во время похода сиракузян против Акраганта.

⁴ Речь идет, повидимому, о походе сиракузян против бруттиев в Южной Италии (ок. 325 г. до н. э.), во время которого Агафокл также служил хилиархом. См. D i o d., XIX, 3, 3—4.

⁵ Согласно D и o d o p y (XIX, 3,1), этот человек (которого он называет Дамантом) — сиракузский богач, влюбленный в Агафокла, бывший стратегом во время похода на Акрагант и назначивший Агафокла хилиархом. По Диодору (XIX, 3,2—3), Дамант умер еще до похода против бруттиев.

⁶ По D и o d o p y (XIX, 3,5—4,2), Агафокл рассорился с сиракузскими олигархами и после похода против бруттиев остался в Южной Италии, где возглавил войска, состоявшие из сиракузских изгнанников и наемников.

⁷ D и o d o p (XIX, 5, 1) упоминает об одной такой попытке.

⁸ Мургантины, или Моргантина. Несколько иначе события этого периода жизни Агафокла изложены у D и o d o p a (XIX, 5—6).

⁹ Карфагеняне, повидимому, в это время поддерживали олигархов — см. D i o d., XIX, 4,3; 5,4.

Гамилькара, чтобы тот выступил посредником между ним и сиракузянами для заключения мира, обещая Гамилькару оказать ему и со своей стороны особые услуги. (6) В надежде на это Гамилькар заключил с Агафоклом взаимный договор¹ о том, чтобы Агафокл дал ему впоследствии столько же воинов для упрочения политического влияния Гамилькара на его родине, сколько он, Гамилькар, даст Агафоклу против сиракузян. (7) В результате Агафокл не только заключил мир с согражданами, но даже был избран в преторы². (8) После этого он присягнул Гамилькару на верность пунийцам, возжегши огонь на жертвеннике Цереры³. (9) Затем, получив от Гамилькара пять тысяч афров, он убил нескольких человек из числа самых влиятельных и могущественных граждан, (10) народ приказал созвать на собрание в театр под предлогом установления образа правления для государства, а сенат собрал в гимнасий, как бы для того, чтобы предварительно обсудить некоторые дела. (11) Подготовив все таким образом, он вызвал солдат и приказал им окружить народное собрание, а сенаторов убить. (12) Совершив это убийство, он приказал убить самых богатых и предприимчивых и из числа плебеев⁴.

Гл. 3. (1) После этого⁵ Агафокл провел военный набор и организовал [свое] войско. Обеспечив себя военной силой, он внезапно напал на соседние города, не опасавшиеся никаких враждебных действий. (2) Даже и тех, кто был союзником пунийцев, он, при попустительстве Гамилькара, грабил бесстыдным образом. Вследствие этого союзники обратились с жалобами в Карфаген не столько на Агафокла, сколько на Гамилькара. (3) Первого они называли тираном и деспотом, второго же — предателем, который отдал имущество (*fortuna*) карфагенских союзников путем договора [в руки] злейшего врага. (4) И ему же, в качестве взятки за заключенную сделку, сперва были переданы Сиракузы, город, всегда враждебный пунийцам и их соперник по власти над Сицилией, а теперь под предлогом того же мирного договора сверх того отданы во власть и города сицилийских союзников [Карфагена]. (5) Поэтому они [союзники] предсказывают, что все это в скором времени обратится против самих [карфагенян]; тогда они почувствуют, какое страшное зло они вскормили, и не только по отношению к Сицилии, а еще больше к самой Африке. (6) Эти жалобы возбудили в сенате сильнейшее негодование против Гамилькара, но так как Гамилькар был главным полководцем (*in imperio esse*), они прозвезли тайное голосование [по этому вопросу] и прежде, чем огласить мнения, выраженные при голосовании, приказывали опечатавать урну, пока не вернется из Сицилии другой Гамилькар, сын Гисгона. (7) Однако все эти хитроумные замыслы пунийцев и отсрочку оглашения предупредила смерть Гамилькара; так был по милости рока оправдан тот, кого сограждане, не выслушав, несправедливо обвинили. (8) Это обстоятельство дало Агафоклу повод начать войну против пунийцев⁶. (9) Первое военное столкновение было у него с Гамилькаром, сыном Гисгона. Разбитый им, Агафокл отступил в Сиракузы⁷, намереваясь возобновить войну с большими силами. Но и во втором сражении его постигла та же судьба, что и в первом.]

¹ О договоре с карфагенянами Д и о д о р (XIX, 65,5) упоминает в связи с событиями, относящимися к периоду ок. 315 г. до н. э.

² Т. е. в стратеги. См. *Diod.*, XIX, 5,5; *Polyaen.*, V, 3,7. Дело относится к 319/18 гг. до н. э. (*Marsh. Par.*, B, 12).

³ Ср. *Diod.*, XIX, 5,4. Принимаем конъектуру *Ieep'a* — *insignibus Cereris tactisque*.

⁴ С изложением в § 9—12 ср. *Diod.*, XIX, 6—8; *Polyaen.*, V, 3,8. Дело относится к 317 г. до н. э.

⁵ По Д и о д о р у (XIX, 9), после разгрома оппозиции в Сиракузах Агафокл созвал экклесию и, обещав кассацию долгов и выдачу земли беднякам, достиг назначения в стратеги-автократоры. О его «нападении на соседние города» см. *Diod.*, XIX, 9,7; 65.

⁶ Ср. *Diod.*, XIX, 102, 7—8.

⁷ Битва при р. Гимере летом 311 или 310 г. до н. э. (о датировке см. *Glötz*, ук. соч., т. IV, стр. 381, прим. 12). См. *Diod.*, XIX, 107—109; XX, 3,1. О втором сражении Диодор ничего не сообщает.

Гл. 4. (1) Когда победители пунийцы осадили город, Агафокл увидел, что у него и сил меньше, и к перенесению осады он не подготовлен; да и союзники покинули его, раздраженные его жестокостью¹. (2) Тогда он решил перенести войну в Африку. Истинно это была удивительная смелость — ведь он пошел войной на столицу тех, с которыми и на территории собственного своего города не смог равняться силой; он, который не мог защитить своего [владения], напал на чужое, он, побежденный, насмеялся над победителями. (3) Не менее удивительно, чем самый замысел, было его умение соблюдать тайну. Народу он сообщил только, что нашел путь к победе; пусть они наберутся стойкости для перенесения непродолжительной осады, а если кому настоящее положение дела не нравится, тому он предоставляет полную свободу уйти [из города]. (4) Когда тысяча шестьсот человек ушло, он снабдил остальных необходимым на время осады количеством хлеба и жалованьем. С собой он взял на текущие нужды только пятьдесят талантов, намереваясь добыть остальное не столько у союзников, сколько у неприятеля. (5) Потом он освободил всех рабов², по возрасту пригодных для военной службы, и привел их к присяге, а затем посадил их вместе с большей частью своего войска на корабли. Он считал, что представители двух этих сословий, после того как положение их уравнилось, будут взаимно состязаться между собой в доблести. Всех остальных он оставил защищать родину³.

Гл. 5. (1) Итак, на седьмой год⁴ своего правления, в сопровождении двух взрослых сыновей, Архагата и Гераклида, Агафокл направил путь в Африку, причем никто из его солдат не знал, куда его ведут. (2) Все думали, что едут за добычей в Италию или в Сардинию⁵. Агафокл тогда только впервые открыл всем свое намерение, когда войско было высажено на берег Африки. (3) Он разъяснил⁶ в какое положение поставлены были Сиракузы, которым не остается никакого другого средства защиты, как заставить врага терпеть то же, что терпят они сами. (4) Ибо одно дело вести военные операции у себя на родине, другое — за пределами ее. Дома поддержкой могут служить только те военные силы, которые может предоставить родина. За границей же можно побеждать врага его собственными силами, так как от него начнут отпадать союзники, которые из ненависти к долголетнему угнетению ждут помощи со стороны. (5) Вдобавок города и поселки в Африке не окружены стенами и расположены не на горах, а на равнинах, без всяких укреплений. Все они, боясь разрушения, легко пойдут на военный союз. (6) Таким образом, в самой Африке вспыхнет война, более опасная для карфагенян, чем война в Сицилии, так как силы всех объединятся против одного города, [действительные] силы которого много меньше его громкой славы; так, те силы, которых ему, Агафоклу, не хватает, он добудет на вражеской земле. (7) Немалое значение для победы имеет и внезапность испуга; карфагеняне будут потрясены такой отвагой врагов, и их охватит трепет. (8) К этому присоединятся пожары в поместьях, разграбление упорствующих поселков и городов, наконец осада самого Карфагена. (9) Все это заставит их почувствовать, что не только они могут нападать на других, но и другие на них. (10) Таким способом можно не только победить пунийцев, но и освободить Сицилию. Ведь враги не станут долгое время вести осаду против нее, когда они сами окажутся в осаде. (11) Поэтому никогда война в каком-либо другом месте не может оказаться более легкой, а к тому же нигде не найти более обильной добычи; ведь после

¹ С гл. 4 ср. D i o d., XX, 3—4. Согласно Диодору, граждане, «наиболее зажиточные и враждебно настроенные по отношению к тирану», покинули город, но наемники Агафокла убили их, и их имущество увеличило средства, предназначенные на африканский поход.

² Ср. D i o d., XX, 4, 8.

³ Правителем в Сиракузах остался брат Агафокла Антандр (D i o d., XX, 4, 1).

⁴ Август 310 г. до н. э. Об африканском походе Агафокла, кроме литературы, цитированной выше (прим. к XX, 1, 1), см. S. G e l l, Histoire ancienne de l'Afrique du Nord, т. III, P., 1919, стр. 18—63.

⁵ Ср. D i o d., XX, 5, 1.

⁶ Содержание § 3—13 в общем совпадает с изложением Д и о д о р а (XX, 3, 3).

взятия Карфагена вся Африка и Сицилия будут наградой победителям, (12) а слава о столь доблестном походе сохранится на все грядущие века и никогда не канет в бездну забвения. Всегда будут говорить, что лишь они одни из всех смертных войну, которую не могли вести на родине, перенесли в страну врагов, напали на победителей и осадили тех, кто осаждал их город. (13) Поэтому все должны мужественно и радостно идти на эту войну — никакая другая война не даст либо большей награды в случае победы, либо более славной памяти в случае поражения.

Гл. 6. (1) Этой ободряющей речью Агафокл поднял дух своих солдат. Однако их пугало неблагоприятное предзнаменование, а именно то, что когда они плыли, затмилось солнце¹. (2) Но значение этого события царь разъяснил им с не меньшей тщательностью, чем значение предпринятых им военных действий, утверждая, что если бы это произошло раньше, чем они отправились в путь, то он поверил бы, что это знамение неблагоприятно для намеревающихся отправиться в путь, но так как это произошло, когда они уже выехали, то оно предвещает несчастье тем, против кого они выступают. (3) Более того, затмение небесных светил² всегда изменяет настоящее положение вещей и в настоящее время означает как изменение блестящего положения дел карфагенян, так и [облегчение] тягот и бедствий его собственного войска. (4) Так он успокоил солдат. Потом Агафокл приказал, с согласия войска, сжечь все корабли, чтобы все знали, что раз возможность бегства отнята, то должно или победить, или умереть³. (5) Затем, когда они двинулись дальше, все разоряя на своем пути, сжигая усадьбы, постройки и поселки, навстречу им вышел Ганнон⁴, вождь пунийцев, с тридцатью тысячами местных жителей (раганогум). (6) Завязалось сражение, в котором пали две тысячи сицилийцев и три тысячи пунийцев⁵ вместе со своим полководцем. (7) Эта победа воодушевила сицилийцев и сломила дух пунийцев. (8) Победив врагов, Агафокл захватывает города и крепости, забирает громадную добычу, уничтожает много тысяч врагов. (9) Затем он располагается лагерем на расстоянии пятого камня от Карфагена⁶, чтобы со стен города можно было видеть, как уничтожается ценнейшее имущество, опустошаются поля и пылают усадьбы. (10) Между тем по всей Африке распространился страшный слух об уничтожении пунийского войска и захвате городов. (11) Все как бы оцепенело от изумления, каким образом могла эта неожиданная война обрушиться на столь великую державу, и к тому же со стороны врага, уже побежденного. Изумление перешло затем мало-помалу в презрение к пунийцам. (12) Спустя короткое время не только афры⁷, но также наиболее знаменитые города, учитывая новое поло-

¹ Солнечное затмение 310 г. до н. э. Ср. D i o d., XX, 5,5.

² В подлиннике: naturalium siderum.

³ По рассказу Д и о д о р а (XX, 7—8,1), Агафокл уговорил своих солдат принести корабли в жертву богиням-покровительницам Сицилии — Деметре и Коре (Персефоне), дабы выполнить обет. Ср. P o l y a e n., V, 3, 5.

⁴ Согласно Д и о д о р у (XX, 10, 1—2), вторым полководцем был Бомилькар (см. ниже, гл. 7), личный враг Ганнона, стремившийся к единовластию в Карфагене.

⁵ По Д и о д о р у (XX, 10, 5; 11,1), у карфагенян было 40 000 пехотинцев, 1000 всадников и 2000 колесниц, в войске Агафокла было всего 13 500 человек. Диодор расходится с Трогом и в определении потерь обеих войск. По Д и о д о р у (XX, 13,1), сицилийцы потеряли около 200 человек, карфагеняне — 1000 или, согласно «некоторым авторам», — 6000.

⁶ Лагерь Агафокла был расположен вблизи города Тунеса (D i o d., XX, 17, 1).

⁷ Социально-этнический состав (τὰ γένη) населения карфагенской Африки в описании Д и о д о р а (XX, 55, 4) во многом объясняет поразительные военные успехи Агафокла с первых дней его вторжения. Диодор выделяет, во-первых, финикийцев, т. е. правящую группу в самом городе Карфагене; ливиифиникийцев — этнически смешанную группу, обитающую в прибрежных городах и пользующуюся ограниченными гражданскими правами; ливийцев, т. е., повидимому, основное население деревни, и, наконец, кочевников — племена, обитающие на юге, вплоть до пустыни. Из этих групп последние три, можно полагать, не трудно было побудить

жение дел, перешли на сторону Агафокла¹ и снабдили победителя продовольствием и деньгами.

Гл. 7. (1) В довершение этих несчастий, постигших пунийцев, их войско в Сицилии было уничтожено вместе с полководцем². (2) Пришла весть, что после ухода Агафокла из Сицилии пунийцы стали менее энергично вести осаду и были поголовно перебиты Антандром, братом царя Агафокла. (3) Поэтому, поскольку и на родине и за ее пределами участь карфагенян была одна и та же, от них отложились не только города-даники, но также и союзные цари, расценивая удельный вес дружбы сообразно с успехом [той или другой стороны], не считаясь с данной ими клятвой верности (*amicitiarum iura non fide, sed successu ponderantes*). (4) Среди них был царь Кирены Офелла³, который, увлеченный дерзкой надеждой на захват власти над всей Африкой, через послов заключил союз с Агафоклом и договорился с ним, чтобы после победы над карфагенянами ему, Офелле, досталась власть над всей Африкой, а Агафоклу — над Сицилией. (5) Когда же Офелла сам прибыл к Агафоклу с огромным войском, чтобы вести вместе с ним войну, Агафокл [опутал] его ласковыми речами и низкой лестью, очень часто с ним вместе обедал, разрешил ему усыновить своего сына и убил неосторожного [царя]. (6) Захватив войско убитого, Агафокл во второй раз разбил карфагенян⁴, хотя они бросили в бой все свои силы, в ожесточенном сражении, причем много крови было пролито с обеих сторон. (7) В результате этого боя пунийцев охватило такое отчаяние, что если бы в войске Агафокла не произошел солдатский мятеж⁵, то к Агафоклу перешел бы со всем войском пунийский полководец Бомилькар. (8) За эту вину Бомилькар был распят посреди городской площади, — чтобы то самое место, где его осыпали почестями, служило напоминанием о его мучительной казни. (9) Но Бомилькар с большим мужеством перенес жестокость сограждан и с вершины креста, как с трибуны, всенародно громил преступления пунийцев. (10) Он упрекал их в том, что они заманили в

к восстанию против первой. Важнейшим же союзником Агафокла должна была явиться третья группа — многочисленное население деревень — ливийцы (*ὁ πῶλὸς λαὸς τῶν εὐχρησίων*), которые питали исключительно сильную ненависть к карфагенянам из-за тяжелого угнетения (*μισὼν διαφερόντως τοὺς Καρχηδονίους διὰ τὸ βάρος τῆς ἐπιτοασίας*).

¹ Диодор (XX, 17) сообщает, что больше двухсот городов были взяты Агафоклом или же сами перешли на его сторону и что «царь ливийцев» Элима также к нему присоединился.

² Гамилькар (см. выше, XXII, 3, 9). Ср. *Diod.*, XX, 29—30 (309 г. до н. э.).

³ О карьере Офеллы см. V. E h r e n b e r g, *Rivista di Filologia*, т. LXVI (1938). Когда Птолемей Лаг в 322 г. до н. э. включил Кирену в состав своих владений, македонянин Офелла остался там в качестве наместника, но, повидимому, впоследствии стал действовать как независимый правитель Кирены. Смерть Офеллы позволила Птолемею восстановить свою власть над Киреной (см. *Suid. s. v. Δημήτριος*). С изложением Юстина (§ 4—5) ср. *Diod.*, XX, 40—42; *Polyaen.*, V, 3, 4.

⁴ Здесь эпитоматор, повидимому, путает действительный порядок событий. Из более обстоятельного изложения Диодора (XX, 43, 3—4) следует, что именно в этот момент, после убийства Офеллы, Агафокл не совершал нападения на карфагенян. Несколько раньше (XX, 33—34) Диодор рассказывает о том, как после расправы с солдатским мятежом Агафокл успешно напал на карфагенские войска. Возможно, что Юстин, который упоминает как будто о том же мятеже, но в связи с иными событиями (см. ниже, XXII, 8), спутал последовательность событий при сокращении изложения Трога.

⁵ Об этом мятеже Диодор не упоминает (см. предыдущее примечание). Из его изложения (XX, 43—44) следует, что в то время, как Агафокл был занят убийством Офеллы и захватом его войск, Бомилькар сделал неудачную попытку присвоить власть в Карфагене, за что и был казнен. Как подчеркивает Диодор, ни один из них не знал, что делает другой.

ловушку Ганнона¹, ложно обвинив его в стремлении к царской власти; изгнали невинного Гисгона²; тайно голосовали против Гамилькара³, его, [Бомилькара], дяди, за то, что тот хотел превратить Агафокла из врага в союзника пунийцев. (11) После того как Бомилькар все это при огромном стечении народа громко выкрикнул, он скончался.

Гл.8. (1) Между тем Агафокл, после того как он довел почти до конца все эти дела в Африке⁴, поручил войско своему сыну Архагату, а сам поспешил обратно в Сицилию, считая, что все его победы в Африке напрасны, раз осада Сиракуз затягивается. (2) Ибо после убийства Гамилькара, сына Гисгона, пунийцы послали туда [под Сиракузы] новое войско⁵. (3) Но как только Агафокл появился в Сицилии, тотчас же все сицилийские города, услышав о подвигах, которые он совершил в Африке, наперебой стали переходить на его сторону, и, таким образом, Агафокл, вытеснив из Сицилии пунийцев, захватил власть над всем островом⁶. (4) По возвращении в Африку он застал свое войско в состоянии мятежа⁷, так как его сын отложил выдачу жалованья солдатам до возвращения отца. (5) Агафокл успокоил созванных на сходку солдат вкрадчивыми словами: жалованье, [сказал он], не у него надо требовать, а добывать у врага; общей будет победа, общей будет и добыча. (6) Надо им только еще немного напрячь силы и довести войну до конца; ведь они знают, что когда Карфаген будет взят, все их надежды исполнятся. (7) После того как солдатское возмущение улеглось, Агафокл, спустя несколько дней, [повел] войско к вражескому лагерю, но, завязав там сражение в высшей степени необдуманно, он потерял большую часть своего войска⁸. (8) Ему пришлось спастись бегством в свой лагерь, но здесь он увидел, что против него поднялась ненависть за опрометчиво затеянную схватку, и стал бояться, что у солдат опять вспыхнет гнев за невыплату жалованья. Вследствие этого он глубокой ночью бежал из лагеря один с сыном Архагатом⁹. (9) Когда об этом узнали солдаты, они пришли в ужас, как если бы они уже были захвачены в плен врагами. Они кричали, что уже вторично брошены своим царем среди врагов, что он не заботится о спасении своих [живых] солдат, а между тем ему следовало бы заботиться даже об их погребении. (10) Они

¹ См. выше, XXI, 4.

² Об изгнании Гисгона ничего не известно.

³ См. выше, XXII, 3,6—7.

⁴ До отъезда в Сицилию (осенью 308 или весной 307 г. до н. э.) Агафокл, взяв города Гиппон и Утику к западу от Карфагена, занимал со своими войсками значительную часть карфагенской территории и самый город подверг страданиям от голода. См. D i o d., XX, 54—55; 59, 2.

⁵ Сиракузы были блокированы карфагенским флотом и страдали от недостатка хлеба. См. D i o d., XX, 32, 3.

⁶ Юстин и здесь, как ранее в связи с Дионисием Старшим (см. выше, XX, 1,1), поверхностно обошелся со сложными военными событиями в Сицилии. От D i o d o r a (XX, 56—57, 3; 61,5—63) известно, что в это время сиракузяне воевали на море против карфагенян, а на суше — против акрагантских войск Ксенодока и сиракузских изгнанников во главе с Динократом. В конце концов Агафоклу удалось разбить акрагантцев и уничтожить карфагенский отряд, осаждавший сиракузскую гавань. Но Динократ все еще оставался непобежденным, и карфагеняне продолжали хозяйничать в западных городах.

⁷ См. выше, прим. к XXII, 7,6 и ср. D i o d., XX, 64,1. Во время отсутствия Агафокла карфагенянам удалось уничтожить значительную часть сицилийских войск, оставшуюся же часть загнать в окружение около гор. Тунеса (D i o d., XX, 57,3—61,4). Заметим, что согласно Диодору, в войсках Агафокла все еще имелось около 10 000 ливийцев (см. выше, прим. к XXII, 6, 12).

⁸ Согласно D i o d o r y (XX, 64, 4—5), Агафокл в этом сражении потерял 3000 солдат убитыми. В непоправимости положения Агафокла убедил уход от него всех ливийских войск (XX, 68,1).

⁹ Иную версию см. у D i o d., XX, 68—69. Дело относится к ноябрю 307 г. до н. э.

хотели гнаться за царем, но были перехвачены нумидийцами и возвратились в лагерь. Однако они схватили и привели обратно Архагата, который ночью нечаянно отстал от отца. (11) Агафокл же на кораблях, на которых он ранее вернулся из Сицилии, с корабельной стражей, возвратился в Сиракузы. (12) Исключительный пример постыдного деяния — царь, бросивший свое войско, отец, предавший своих детей. (13) Между тем в Африке после бегства царя его солдаты заключили соглашение с врагами и, умертвив детей Агафокла, сдались карфагенянам¹. (14) Когда Аркесилай, бывший до того другом Агафокла, готовился убить Архагата, тот спросил у него, что сделает, по его мнению, Агафокл с детьми человека, который лишил его самого его детей? Аркесилай на это ответил, что с него достаточно знать, что его дети пережили детей Агафокла. (15) После этого пунийцы, чтобы довести войну до конца послали в Сицилию [новых] полководцев, с которыми Агафокл и заключил мир на выгодных [для него] условиях².

КНИГА XXIII

Гл. 1. (1) Сицилийский царь³ Агафокл, заключив мир с карфагенянами, оружием заставил вновь покориться некоторые городские общины (*partem civitatum*)⁴, отложившиеся от него в надежде на свои собственные силы. (2) Затем ему как будто уже стало тесно в пределах того самого острова, даже над частью которого он при начале своих завоеваний не рассчитывал стать владыкой, и он переправился в Италию⁵. В этом он последовал примеру Дионисия, который в свое время покорил много италийских городов (*Italiae civitates*). (3) Прежде других ему пришлось столкнуться с бруттиями, которые считались в то время и самыми храбрыми и самыми богатыми, и к тому же всегда были готовы нападать на соседей. (4) И действительно, они выгнали из Италии многих греческих поселенцев, (5) а луканов, от которых они сами произошли⁶, они победили на войне и заключили с ними договор на условиях равноправия. (6) Они оказались столь свирепыми, что не щадили даже [тех, кому они были обязаны своим происхождением]. (7) Племя луканов имело обыкновение воспитывать своих детей, следуя тем же правилам, что и спартанцы; (8) мальчики-подростки воспитывались в лесах среди пастухов; они не пользовались услугами рабов, не имели одежды, которую они могли бы накинуть на себя или на которую можно было бы прилечь, и приучались с ранних лет к перенесению лишений и к бережливости, не зная городской жизни. (9) Пищей была им добыча от охоты, питьем — молоко или ключевая вода. Так их закаляли для

¹ Часть из них поступила в качестве наемников в карфагенские войска, часть была поселена в Солунте. Ср. *D i o d.*, XX, 69,3—4.

² 306 г. до н. э. См. *D i o d.*, XX, 79,5. Агафокл возвратил карфагенянам те города в Сицилии, которые он у них до этого отвоевал. В возмещение Агафокл получил от карфагенян значительное количество денег и зерна.

³ О царском титуле Агафокла *Д и о д о р* (XX, 54,1) сообщает, что сиракузский династ назвал себя царем в подражание своим современникам, эллинистическим династам на Востоке.

⁴ Речь идет о борьбе Агафокла с войсками сиракузского изгнанника Динократа, которые тогда боролись за «автономию» греческих городов в Сицилии.

⁵ Приблизительно 300 г. до н. э. Походы Агафокла в Южной Италии Диодор изложил в XXI книге, но до нас дошли лишь мелкие отрывки.

⁶ Согласно *С т р а б о н у* (VI,1,4, стр. 253 сл.; ср. *Д и о д о р*, XVI, 15), бруттии были рабами луканов, восставшими ок. 356 г. до н. э. против господ и образовавшими собственное государство (или же племенную федерацию). Самое имя «бруттии» считалось принадлежащим к местному диалекту и обозначающим «беглецы» (*δραπέται*), т. е. беглые рабы. Возможно, или что бруттии действительно «произошли» от луканов, как утверждает Юстин, т. е. что они представляли собой племенное подразделение, выделившееся из луканской федерации, или что бруттии были местными жителями, поработившими луканами, когда последние овладели их территорией к концу V в. до н. э. См. *J. W h a t m o u g h*, *The foundations of Roman Italy*, L., 1937, стр. 325 слл.

перенесения воинских трудов. (10) Собравшись вместе, человек пятьдесят из их числа обычно отправлялись на добычу во владения соседей; затем к ним сбегалось множество других, подстрекаемых надеждой на добычу, а когда их набиралось уже много, то они становились опасными для всей страны. (11) Поэтому в свое время сицилийский тиран Дионисий, которому надоели постоянные жалобы союзников, послал для усмирения луканов шестьсот афров¹. (12) [Эти афры] взяли крепость [луканов] — ее предала в их руки одна женщина, по имени Бруттия. Здесь они и основали город; а когда сюда сбегалось, услышав о новом городе, множество пастухов, они назвали себя по имени той женщины бруттиями. (13) Первую войну бруттии вели с луканами, которым были обязаны своим происхождением. (14) Заключив мир с луканами на условиях равноправия, бруттии, ободренные этой победой, оружием подчинили себе других соседей, и за короткое время они стали настолько сильными, что стали угрожать даже царям. (15) Так, эпирский царь Александр, который пришел с большим войском на помощь греческим государствам, был со всей своей армией уничтожен бруттиями². (16) Поэтому свирепость бруттиев, воспламененная такими удачами, в течение долгого времени навела ужас на соседей. (17) Наконец Агафокл, осаждаемый просьбами и в надежде на расширение своих владений, переправился из Сицилии в Италию.

Гл. 2. (1) [Бруттии], вначале испуганные слухом о его прибытии, отправили к нему послов просить его о союзе и дружбе. (2) Агафокл пригласил послов на обед, чтобы они не увидели, как переправляется его войско, а назавтра, вместо того, чтобы начать назначенные на этот день переговоры, сев на корабль, переправился и сам, обманув таким образом послов. (3) Но это коварство не принесло ему радости; уже через несколько дней тяжелая болезнь заставила Агафокла возвратиться в Сицилию³. (4) Болезнь эта охватила все его тело, во всех его жилах, суставах бушевала губительная влага, как будто все члены его тела вступили в войну между собой. (5) Видя безнадежность его положения, его сын⁴ и внук вступили в войну друг с другом, оспаривая друг у друга царство, как будто Агафокл был уже мертв. Сын был убит, а внук захватил царскую власть. (6) Поэтому Агафокл, так как страдания от болезни и горе все более снели его, отчаявшись во всем, решил отослать жену свою Феоксену⁵ с двумя рожденными от нее малолетними детьми в Египет, откуда он взял ее⁶. С ней он [отправил] все деньги, рабов (familia), а также царские сокровища, которых у него было больше, чем у любого [другого] царя. [Агафокл] опасался, как бы она не пострадала от врага, похитителя его власти. (7) Жена Агафокла долго упрашивала, чтобы ее не разлучали с больным, опасаясь, как бы люди не осудили ее наравне с внуком-отцеубийцей, не упрекнули ее в том, что, покинув больного мужа, она поступила столь же жестоко, как внук, выступив против деда. (8) Ведь она, выйдя замуж, обещала разделять с мужем не одну только счастливую судьбу, но и любую другую; она охотно подвергнет опасности

¹ Как уже было замечено, Дионисий I ок. 390 г. до н. э., когда он воевал против греков в Италии, заключил союз с луканами (см. выше, прим. к XX, 5, 4). Затем, по-видимому, отношения между ними ухудшились, поскольку источники сообщают (S t r a b o, VI, 1, 10; P l i n., N. h., III, 15, 2), что Дионисий хотел пересечь стеной юго-западную часть Италии, якобы в защиту от вторжений луканов. Сам Юстин упоминает (XXI, 3, 3) о войне локрийцев, тогда фактически подчиненных Дионисию II, с луканами.

² Ср. выше, XII, 2, 1—15 и прим.

³ По Д и о д о р у (XXI, 16), Агафокл был отравлен медленно действующим ядом своим любимым рабом Меноном, которого подговорил к этому внук Агафокла Архагат (сын Архагата, убитого в Африке).

⁴ Этого сына также звали Агафокл. См. D i o d., XXI, там же.

⁵ Теохенам, в некоторых рукописях Техенам, Theogenam.

⁶ Другие указания на взаимоотношения между Агафоклом и современными ему эллинистическими правителями см. выше, XXII, 7, 4, (Офелла); D i o d., XXI, 2, (Кассандр); XXI, 15 и 16 (Деметрий Полиоркет); XXII, 8, 2 и выше, прим. к I u s t., XVIII, 1, 3 (Пирр).

свою жизнь ради того, чтобы принять последний вздох своего мужа; если она уедет, то никто не заменит ее при обряде похорон и не совершит его с подобающим благоговением. (9) Малютки громко плакали, расставаясь с отцом и, обняв его, никак не могли от него оторваться; жена тоже осыпала его поцелуями, больше не надеясь его увидеть; и не менее тяжело было видеть слезы самого [умирающего] старика. (10) Семья оплакивала умирающего отца, а он детей — изгнанников. Они говорили о том, что после их отъезда отец, больной старик, остается совсем одиноким, а он о том, что их, воспитанных в надежде на царственное положение, он обрекает на нужду. (11) Весь дворец оглашался звуками рыданий тех, кто был свидетелем этой тяжелой разлуки. (12) Наконец, необходимость отъезда положила конец слезам, а после отъезда сыновей царь сейчас же умер¹. (13) Пока все это происходило, карфагеняне, узнав о том, что делалось в Сицилии, решили, что им представляется удобный случай захватить весь остров. Они переправились сюда с большими силами и подчинили себе многие города.

Гл. 3. (1) В это же самое время Пирр вел войну против римлян. (2) Когда сицилийцы, как было сказано выше², попросили его о помощи³, он прибыл в Сиракузы и стал называться царем⁴. Сицилии и Эпира. (3) Радуясь своей удаче, он предвзначил Сицилийское царство сыну своему Гелену, как дедовское наследство — ибо Гелен был рожден от дочери царя Агафокла, а Итальяское царство — [другому сыну] Александру⁵. (4) После этого он провел много удачных сражений против карфагенян⁶. (5) Спустя некоторое время к Пирру явились послы от итальяских союзников⁷ с вестью, что они не могут более сопротивляться римлянам, и, если он не подоспеет на помощь, они сдадутся. (6) Пирр был встревожен опасностью, которая угрожала ему с двух сторон. Он не знал, что делать и кому оказать помощь в первую очередь, он колебался и не знал, на что решиться, склоняясь то к одному решению, то к другому; (7) так как с одной стороны ему угрожали карфагеняне, а с другой римляне, то казалось, что не переправлять войско в Италию опасно, а вывести войска из Сицилии еще опаснее; не помочь союзникам значило их потерять, а покинуть Сицилию — значило ее утратить. (8) В этой буре опасностей Пирру показалось, что наиболее безопасным прибежищем будет такое решение: пустить в дело все свои силы в Сицилии, а затем, сокрушив карфагенян, переправить победоносное войско в Италию. (9) Итак, Пирр завязал сражение с карфагенянами и победил их; но так как [после этого] он ушел из Сицилии, то казалось, что он побежден и обращен в бегство; (10) поэтому союзники от него отложились, и он потерял власть над Сицилией так же скоро, как легко ее захватил. (11) В Италии ему тоже посчастливилось не больше⁸, и он возвратился в Эпир. Изумительным примером может служить его неудача в том и другом предприятии! (12) Ведь сперва судьба, благоприятствуя Пирру, сверх всяких ожиданий доставила ему власть над Италией и Сицилией и ряд побед над римлянами, а потом, как бы для того, чтобы

¹ 289 г. до н. э. Ср. D i o d., XXI, 16,4—5.

² Ср. выше, XVIII, 2,4. Поход Пирра в Сицилию относится к 278—275 гг. до н. э.

³ Вскоре после смерти Агафокла в Сиракузах вспыхнула борьба между различными претендентами на власть. Воспользовавшись этим, карфагеняне осадили Сиракузы с суши и с моря, и сиракузяне обратились за помощью к Пирру (D i o d., XXII, 8, 1—2; ср. P l u t., Pyrrh., 22, 1).

⁴ Ср. P o l y b., VII, 4,5.

⁵ П о Д и о д о р у (XXII, 11) п л у т а р х у (Pyrrh., 9, 1), напротив того, Александр был сыном Ланассы, дочери Агафокла.

⁶ Карфагеняне удержались только в Лилибее. Все остальные их владения в Сицилии были отвоеваны Пирром. См. D i o d., XXII, 10; P l u t., Pyrrh., 22—23.

⁷ Союзниками Пирра в Италии были самниты, тарентинцы, бруттии и луканы. См. P l u t., Pyrrh., 23; ср. A p p., Samn., 11,2.

⁸ Имеется в виду сражение при Беневенте (275 г. до н. э.). Перечень источников и комментарий к ним см. у К. В e l o h 'a, Griech. Gesch., т. IV, ч. 1, стр. 557; ч. 2, стр. 475 сл.

показать хрупкость человеческого счастья, обернувшись [против него], разрушила все достигнутое им и добавила к сицилийской катастрофе кораблекрушение на море¹, позор неудачной войны с римлянами и постыдное отступление из Италии.

Гл. 4. (1) После того как Пирр удалился из Сицилии, в правители [там] был избран Гиерон. (2) Он правил с такой умеренностью (*moderatio*), что благодаря общему расположению к нему всех городских общин (*omnium civitatum*) он сначала был избран главнокомандующим против карфагенян², а затем царем. (3) Самые обстоятельства его детства были как бы предвестниками будущего его величия: (4) его отцом был знатный человек Гиероклит³, который вел свое происхождение от древнего сицилийского тирана Гелона⁴, но по матери он был низкого происхождения и даже позорного, (5) ибо рожден был от служанки-рабыни⁵. Вследствие этого отец приказал его выбросить, как позор для рода. (6) Однако младенца, лишленного заботы со стороны людей, в течение многих дней кормили пчелы, которые откладывали мед вокруг лежащего ребенка. (7) Тогда отец под влиянием предсказания гадателей, предрекших ребенку царскую власть, взял малютку обратно [в дом] и воспитал его со всей тщательностью в надежде на величие, которое ему сулили. (8) Когда Гиерон учился в начальной школе со своими сверстниками, среди мальчиков внезапно появился волк и похитил у Гиерона табличку для писания; (9) а когда Гиерон стал юношей и впервые отправился на войну, на его щит опустился орел, а на копье сова. (10) Все это означало, что он будет мудр в совете, храбр в бою и станет царем. (11) Он часто сражался с теми, которые вызывали охотников на поединки и всегда одерживал победу. (12) Царь Пирр много раз отмечал его военными наградами. (13) Он обладал выдающейся красотой и изумительной силой. (14) Ласковый в речах, справедливый в делах, он пользовался своей властью столь разумно⁶, что ему не хватало только царства для того, чтобы быть царем.

КНИГА XXIV

Гл. 1. (1) Пока это происходило в Сицилии, а в Греции шла война между царями Птолемеем Керавном, Антиохом⁷ и Антигоном⁸, (2) почти все греческие государства под предводительством спартанцев сочли эти обстоятельства благоприятными для попытки вновь вернуть себе свободу: они обмениваются посольствами, заключают при их посредстве союзные договоры⁹ и неожиданно открывают военные действия. (3) Чтобы не казалось, что они начали войну с Антигоном, которому были подвластны, они напали на союзников Антигона — этолян. (4) Поводом к нападению они выставили то обстоятельство, что этоляне силой захватили земли, расположенные вокруг Кирры, которые с общего согласия всей Греции были посвящены Аполлону. (5) Полководцем

¹ См. ниже, XXV, 3,1 и прим.

² Вероятно, Гиерон служил в войске Пирра во время войны с карфагенянами (см. ниже, § 12); главнокомандующим он, повидимому, стал в походе против мамертинцев. Это были кампанские наемники, которые, отслужив срок у Агафокла, захватили Мессану и, укрепившись в ней, производили нападения на сицилийские города. Ср. P o l y b . , I, 8—9; D i o d . , XXII, 13, 1—7. Время правления Гиерона II : 269—215 гг. до н. э.

³ Или Гиерокл (IG, XIV, 2; A t h e n . , V., 209D; P a u s . , VI, 12,2; D i t t e n b e r g e r , Syll. ³, № 395—396).

⁴ Сиракузский тиран первой половины V в. до н. э.

⁵ Ср. Z o n a r a s , VIII, 6.

⁶ Ср. P o l y b . , I, 16, 10—11; VII, 8.

⁷ Антиох I Сотер, правил с 280 по 261 г. до н. э.

⁸ Антигон Гонат, правил с 283 по 239 г. до н. э. Ср. выше, XVII, 2, 10.

⁹ К этому времени (280 г. до н. э.) П о л и б и й (II, 41, 10—12) относит восстановление Ахейского союза, который должен был сыграть столь видную роль в истории Греции III и начала II вв. до н. э.

для ведения этой войны избрали Арея¹, который, объединив все войска, стал грабить города и опустошать посевы, находившиеся в этой области; что нельзя было унести, он сжигал. (6). Когда заметили это с гор этолийские пастухи, они собрались числом около пятисот человек и стали преследовать рассеявшихся врагов, которые не знали, как велик был отряд [этолян], потому что разглядеть его мешали горы и дым пожаров. Этоляне убили почти девять тысяч и обратили грабителей в бегство. (7) Когда затем спартанцы снова затеяли войну, многие государства отказали им в помощи, считая, что они стремятся к установлению своего господства, а не к освобождению Греции. (8) Между тем война между царями закончилась. Птолемей, изгнав Антигона², захватил власть над всей Македонией и заключил мир с Антиохом, а с Пирром породнился, выдав за него замуж свою дочь.

Гл. 2. (1) Избавившись от внешней опасности, Птолемей замыслил своим нечестивым и коварным умом преступления против своих родичей и начал строить козни против своей сестры Арсиной³, с целью лишить жизни ее сыновей, а у нее самой отнять город Кассандрею⁴. (2) Он сначала действовал хитростью: притворившись влюбленным, стал просить сестру выйти за него замуж. Иным путем, кроме как разыгрывая из себя друга своей сестры, он не мог подобраться к ее сыновьям, царством которых завладел. (3) Но сестра знала, что воля Птолемея всегда направлена ко злу. (4). Поэтому Птолемей, ввиду ее недоверчивости, стал ее уверять, будто хочет управлять государством совместно с ее сыновьями и будто он не потому сражался с ними, что хотел отнять у них царство, но потому, что хотел вернуть им царство, как дар из своих рук. (5) Пусть, [говорил он], она пошлет к нему свидетеля клятвы, которую он готов дать; в присутствии его он поклянется перед лицом отечественных богов и свяжет себя, какими только она захочет, клятвами. (6) Арсиноя колебалась, [не зная], как ей поступить: послать—значило быть обманутой клятвopеступником; если не послать, то надо опасаться ярости ее жестокого брата. (7) Поэтому, больше опасаясь за своих детей, чем за себя, считая, что своим браком она обеспечит безопасность своим детям, Арсиноя послала к Птолемею одного из своих друзей — Диона. (8) Птолемей привел его в святилище Юпитера, древнейшую македонскую святыню и, возложив руки на жертвенник, коснувшись самых изображений и [священных] сидалищ богов, поклялся неслыханными и самыми страшными клятвами в том, (9) что совершенно искренне просит сестриной руки и наименоует ее царицей, и никогда не оскорбит ее, взяв другую жену, и не будет иметь других детей, кроме ее сыновей. (10). После этого Арсиноя исполнилась надежд и, перестав бояться, сама переговорила с братом. Выражение его лица и его глаза, полные ласки, обещавшие верность не менее, чем его клятвы, привели к тому, что она согласилась на брак с братом, несмотря на протесты сына своего Птолемея⁵, [убеждавшего мать], что ее обманывают.

Гл. 3. (1) Свадьба была отпразднована с большой пышностью на радость всем. (2) Птолемей собрал также и войско и возложил венец на голову своей сестры, наименовав ее царицей. (3) Это наименование привело Арсиною в восторг, так как она снова получила то, чего лишилась после смерти своего первого мужа Лисимаха. Она даже пригласила своего мужа в свой город Кассандрею, из-за желания обладать которым Птолемей подстроил весь этот обман. (4) Прибыв в Кассандрею раньше своего мужа, она объявила праздничным днем день его приезда, приказала украсить дома, храмы и все улицы, всюду разместила жертвенники и жертвы. (5) Сыновьям же своим, отличавшимся

¹ Спартанский царь с 309 по 265 г. до н. э. Сообщение об этом походе Арея имеется только у Юстина.

² Ср. выше, XVII, 2, 15 и прим. О поражении, нанесенном Антигону Птолемеем Керавном в морской битве, см. М е т н., 13 (280 г. до н. э.). См. также Т г о г., Prol., 17.

³ Ср. выше, XVII, 2, 6—8. Арсиноя была вдовой Лисимаха.

⁴ Кассандрея — бывшая Потидея. После смерти Лисимаха Арсиноя держала этот стратегически важный пункт с помощью наемников.

⁵ О нем см. также Т г о г., Prol., 24.

замечательной красотой, шестнадцатилетнему Лисимаху и Филиппу, который был на три года моложе, приказала, надев венцы, выйти навстречу Птоломею. (6) Чтобы скрыть коварный замысел, Птоломей обнял их с горячностью, превосходящей искреннее и истинное чувство, и долго осыпал их поцелуями. (7) Когда же шествие подошло к воротам, Птоломей приказал занять крепость, а мальчиков убить. Когда они подбежали к матери, их умертвили на ее лоне, в то время как она покрывала их поцелуями (8) и кричала, чем она заслужила такую чудовищную кару, своим браком или [своими поступками] после свадьбы. Она неоднократно подставляла свое тело под удары убийц, и, обняв своих сыновей, своим телом защищала их и старалась принять на себя раны, которые предназначались ее детям. (9) Наконец, ей даже не дали похоронить сыновей, а выволокли вон из города в разодранной одежде, с распущенными волосами; сопровождаемая лишь двумя молодыми рабами, она удалась в изгнание в Самофракию¹, тем более убитая скорбью, что ей не суждено было умереть со своими сыновьями. (10) Но и преступления Птоломея не остались неотомщенными. Боги бессмертные покарали его за многие его клятвопреступления и кровавые убийства родичей: спустя короткое время галлы лишили его царства и захватили в плен, и он потерял жизнь от меча, как того заслужил.

Гл. 4.(1) Дело в том, что галлы стали так многочисленны, что их уже не вмещали те земли, на которых они родились. Словно следуя обряду «священной весны» (*ver sacrum*)², они послали триста тысяч человек искать новых мест для поселения. (2) Часть из этих трехсот тысяч осела в Италии³; они-то и сожгли взятую ими римскую столицу⁴. (3) Другая часть проникла к Иллирийскому заливу, следуя за птицами⁵ (ибо галлы всех более искусны в гадании по полету птиц), пробываясь через варварские племена, и осела в Паннонии. (4) Народ этот суровый, отважный и воинственный, народ, который впервые после Геркулеса, подвиг которого вызвал всеобщее изумление перед его доблестью и доставил ему бессмертную славу, перешел через неприступный альпийский хребет и необитаемые местности, скованные льдом. (5) Покорив жителей Паннонии, они в течение многих лет вели войны с соседями. (6) Затем, ободренные своими успехами, они разбились на отряды. Одни напали на Грецию, другие на Македонию⁶, сокрушая все своим оружием. (7) Имя галлов внушало такой ужас, что даже те цари, которые еще не подверглись их нападениям, покушали у них мир за громадные деньги. (8) Один только македонский царь Птоломей бестрепетно услышал весть о приближении галлов. Он вышел им навстречу с небольшим нестройным войском, словно вести войны не труднее, чем совершать преступления. Фурии — мстительницы за убийство родных — толкали его на эти действия. (9) Он с пренебрежением отнесся к предложению дарданцев, предложивших ему через послов доставить в помощь двадцать тысяч вооруженных воинов, и добавил к этому еще оскорбление: дело ведь идет о Македонии, сказал он; если македоняне одни покорили весь Восток, то неужели они теперь нуждаются в дарданцах для защиты своих пределов? (10) Его солдаты — сыновья тех, которые при

¹ Из Самофракии Арсиноя позже перебралась в Египет к своему брату Птоломею Филадельфу, где ей удалось добиться того, что Птоломей, оставив свою жену, взял Арсиною в жены (ок. 276 г. до н. э.). См. P a u s., I, 7, 3.

² В дни бедствия давался обет принести в жертву богам всех первенцев, которые родятся ближайшей весной. Молодые животные закалывались, а дети по достижении ими зрелого возраста вынуждались к переселению (иногда это вело к организации новой колонии). Этот обычай существовал как в древней Италии (в ранний период), так и в древней Греции. См. Liv., XXII, 9—10; Strabo, V, 4, 12, стр. 250; Fest., стр. 150.

³ В северной Италии. Ср. выше, XX, 5, 7—8.

⁴ См. выше, VI, 6, 5 и прим.; XX, 5, 4, 7—9.

⁵ Ducibus avibus. Ср. D i o d., V., 31, 3.

⁶ См. M. S e g r e, La più antica tradizione sull' invasione Gallica in Macedonia e in Grecia (280—279 av. Cr.), «Historia», т. I (1927).

царе Александре, победив весь мир, всех сделали своими данниками. (11) Когда эти слова были переданы царю дарданцев, тот сказал, что в скором времени славное Македонское царство падет из-за дерзости незрелого юнца.

Гл. 5. (1) Итак, галлы, которыми предводительствовал Белгий¹, чтобы испытать, каково настроение у македонян, отправили к Птолемею посольство, предлагая мир, если он захочет его купить. (2) Птолемей же среди своих [приближенных] хвастался, будто галлы добиваются мира, потому что боятся с ним воевать. (3) Также и перед послами он бахвалился не менее нагло, чем среди своих друзей. [Он заявил], что он не согласен даровать галлам мир, если они не выдадут ему в качестве заложников своих старейшин (principes) и не сдадут оружие. Он может доверять галлам, только если они будут обезоружены. (4) Когда послы сообщили об этом своим, галлы смеялись и повсюду говорили, что Птолемей скоро почувствует, ему ли на пользу или себе на пользу галлы предлагали мир. (5) Спустя несколько дней произошло сражение². Македоняне были побеждены и перебиты. (6) Птолемей, покрытый многочисленными ранами, попал в плен. Ему отрубили голову, надели ее на копьё и для устрашения врагов пронесли перед всем строем³. (7) Немногие из македонян спаслись бегством; остальные были или взяты в плен, или убиты. (8) Когда весть об этом разнеслась по всей Македонии, заперли ворота городов; всюду слышались рыдания: (9) здесь оплакивали утрату погибших сыновей, там страшились разрушения городов, там взывали о помощи к царям Александру и Филиппу, как к божествам, [воскликая], (10) что при них македоняне были не только в безопасности, но и победителями над всем миром; (11) да охранят они свою родину, которую они славы своих подвигов вознесли до небес, да помогут они удрученному, которых погубили безрассудство и дерзость царя Птолемея. (12) Но в то время, как все были в отчаянии, один из македонских вождей, Сосфен⁴, полагая, что не одними обетами богам следует действовать, собрал молодежь, смирил галлов, ликовавших по поводу своей победы, и предотвратил опустошение Македонии. (13) За эти доблестные заслуги его, человека неродовитого, предпочли многим знатным лицам, добивавшимся царской власти⁵ над Македонией. (14) Но когда войско провозгласило Сосфена царем, он сам настоял на том, чтобы солдаты принесли ему присягу не как царю, но как полководцу.

Гл. 6. (1) Между тем Бренн, под предводительством которого часть галлов вторглась в Грецию, услышал о победе галлов над македонянами, одержанной под командой Белгия. Он был возмущен тем, что Белгий и его галлы так легко отступились от обильной добычи, включавшей в себя сокровища, захваченные македонянами на Востоке. Поэтому он, набрав сто пятьдесят тысяч пехотинцев и пятнадцать тысяч всадников, сам вторгся в Македонию. (2) В то время как Бренн грабил поля и деревни, навстречу ему вышел Сосфен с хорошо снаряженным войском. Но македонян было немного, они были объаты страхом, и их легко победил враг, и более многочисленный и более храбрый. (3) Побежденные македоняне заперлись в городах, а победитель Бренн, нигде не встречая сопротивления, опустошал сельские местности во всей Македонии. (4) Потом, как будто грабить людей ему уже надоело, он набросился на храмы бессмертных богов и даже, грубо издеваясь, говорил: богатым богам подобает быть щедрыми к людям. (5) Итак, Бренн внезапно повернул свой путь на Дельфы⁶, предпочитая добычу благочестию и ради золота [не останавливаясь] перед оскорблением бессмертных богов. Он

¹ У П а в с а н и я (X, 19,7) — Βόλγτος.

² 279 г. до н. э.

³ Ср. М е ш н., 14; P l u t., P u t h., 22, 1. Об этом галльском обычае см. у L i v., X, 26.

⁴ Ср. D i o d., XXII, 4.

⁵ Имеются в виду, может быть, Мелеагр, брат Птолемея Керавна, и Антипатр, племянник Кассандра. Оба по очереди провозгласили себя царями, но скоро были низложены. Ср. D i o d., XXII, 3, 4.

⁶ О вторжении Бренна в Грецию см. подробное изложение у P a u s., X, 19—23; ср. D i o d., XXII, 9.

говорил также, что те, кто дарует людям блага, сами в них не нуждаются. (6) Храм Аполлона Дельфийского¹ расположен на горе Парнас, на отвесной скале. Благодаря постоянному стечению людей в это место, там основался город, так как люди, приходившие сюда для поклонения величию [Аполлона], оставались жить на этой скале. (7) Таким образом, и храм и город защищены не стенами, но крутыми обрывами, укреплениями, созданными не руками человеческими, а воздвигнутыми самой природой. Даже трудно сказать, что здесь более вызывает удивление — неприступность места или величие божества. (8) Средняя часть скалы спускается в виде амфитеатра. Вследствие этого шум человеческих голосов, а порой звуки труб, оттого, что скалы отзываются на эти звуки и отвечают друг другу, слышатся здесь обычно многократно повторенными и звучат все громче. Это явление не знающим, в чем дело, внушает величайший страх перед величием бога и заставляет их цепенеть от изумления. (9) На изгибе этой скалы, примерно на половине расстояния от подошвы до вершины, находится небольшое ровное место, а на нем глубокая расщелина в земле, которая открывается в проризалище. Из этой расщелины какой-то силой, подобной ветру, выталкивается вверх некое холодное дуновение; оно-то и приводит в исступление умы порицателей и, когда они исполнятся божественного вдохновения [букв. божества deo], побуждает их давать ответы вопрошающим. (10) Бесчисленные богатейшие дары царей и народов можно видеть здесь; своим великолепием они свидетельствуют о благодарности тех, кто принес эти дары в исполнение обета за [полученные ими] ответы богов.

Гл. 7 (1) Завидев издали храм, Бренн долго раздумывал, приступить ли к делу немедленно или же дать утомленным воинам отдохнуть одну ночь для восстановления сил. (2) Вожди эпианов и фессалийцев, которые присоединились к Бренну ради добычи, настойчиво советовали приступить к делу немедленно, пока враги не готовы и испуганы их неожиданным приходом; (3) когда [же] пройдет ночь, [говорили они], враги воспрянут духом, может быть подойдут к ним подкрепления, а горные тропы, которые сейчас открыты для прохода, окажутся прегражденными. (4) Однако галльские рядовые воины после долговременных лишений, как только увидели, что [окружающие] деревни полны вина и всяких съестных припасов, обрадовавшись этому изобилию не меньше, чем победе, (5) покинув боевые знамена, рассеялись по окрестным полям, стараясь захватить все, точно [уже были] победителями. Это обстоятельство дало дельфийцам отсрочку, (6) так как при первом же известии о приближении галлов оракул запретил деревенским жителям выносить из своих усадеб зерно и вино. (7) Смысл этого спасительного наставления был понят только тогда, когда изобилие вина и прочих запасов надолго задержало галлов и когда подошли вспомогательные отряды из соседних городов. (8) Вследствие этого дельфийцы, силы которых возросли благодаря помощи союзников, успели укрепить свой город раньше, чем галлы, накинувшиеся на вино, как на добычу, были собраны обратно под знамена. (9) У Бренна было шестьдесят пять тысяч отборных пехотинцев, у дельфийцев и их союзников только четыре тысячи. (10) Относясь к ним с презрением, Бренн, чтобы воссламенить своих воинов, указывал им на обилие добычи². Он говорил, что статуи с квадригами, которые во множестве были видны издали, отлиты из чистого золота, и утверждал, что весом добыча эта еще больше, чем кажется на глаз.

¹ О дельфийском храме Аполлона и истории храма, см. Н. W. P a r k e, A History of the Delphic Oracle, Oxford, 1939; P. A m a n d r u, La mantique Apollinienne à Delphes, Essai sur le fonctionnement de l'oracle, P., 1950; R. F l a c e l i è r e, Les Aitolians à Delphes. P., 1937.

² Источники расходятся в том, удалось ли галлам проникнуть в дельфийское святилище. Как Юстин, так и Павсаний, являющиеся нашими наиболее полными источниками, ничего об этом не говорят; их молчание как будто подтверждается надписью (D i t t e n b e r g e r, Syll.³, № 398). Зато согласно Д и о д о р у (XXII, 9,4; ср. V, 32,5), Бренн вошел в храм Аполлона; ср. также S t r a b o, IV, 1,13; A t h e n., VI, 234c (Посидоний); P o l y a e n., VII, 35, 2; L i v., XXXVIII, 48, 2; V a l. M a x., I, 1, 18.

Гл. 8. (1) Галлы, возбужденные этими заверениями и пьяные от выпитого накануне [несмешанного] вина, не считаясь с опасностями, ринулись в бой. (2) Дельфийцы, напротив, больше полагаются на помощь божества, чем на свои силы, сопротивлялись, презирая врагов, и сбрасывали с вершины скалы карабкавшихся вверх галлов, то бросая в них камни, то поражая их оружием. (3) Во время этого состязания двух сторон в первую боевую линию внезапно прорвались главные жрецы всех храмов, а также и сами прорицательницы с распущенными волосами, со священными знаками, в повязках, объятые ужасом, в состоянии иступления. (4) Они кричали, что явился сам бог, что они видели, как он спустился через раскрывшийся гребень кровли, (5) когда все они со слезами молили бога о помощи; он — юноша красоты, превосходящей земную, его сопровождают две вооруженные девы, вышедшие из ближайших двух храмов Минервы и Дианы; (6) и они не только видели это своими глазами, они слышали также звук натягиваемого лука и звон оружия. (7) Поэтому [жрецы и прорицательницы] заклинали воинов самыми страшными заклятиями, чтобы они без усталости поражали врагов и стали соучастниками [богов] в их победе, ибо перед их рядами сражаются сами боги. (8) Воспламененные этими словами, все наперерыв брхсаются в бой. (9) И сами воины сразу почувствовали присутствие бога, ибо [в этот миг] землетрясение обрушило часть горы, повергло ниц галльское войско, и плотно сомкнутые ряды [врагов] рассыпались, израненные. (10) Затем разразилась гроза, а град и [наступивший] холод прикончили раненых. (11) Сам галльский вождь Бренн, не будучи в силах перенести боль от ран, покончил с собой ударом кинжала¹. (12) После того как зачинщики этой войны понесли кару, [уцелевший] второй вождь [галлов]² поспешно отступил из Греции с десятью тысячами раненых. (13) Но и к этим беглецам судьба не была более благосклонна: гонимые страхом, они не провели ни одной ночи под кровлей, ни одного дня без лишений и опасностей. (14) Непрерывные ливни, смерзшийся от мороза снег, голод и усталость и худшее бедствие — бессонница — истребляли жалкие остатки войска, уцелевшие от этой злосчастной войны. (15) Племена и народы, через земли которых они держали путь, преследовали бредущих поодиночке галлов, как свою добычу. (16) Так произошло то, что из такого громадного войска, которое так недавно, уверенное в своих силах, с презрением относилось даже к богам, не уцелел ни один человек, хотя бы для того, чтобы сохранилась память о столь страшном поражении.

КНИГА XXV

Гл. 1. (1) После того как установился мир между двумя царями, Антигоном и Антиохом³, и Антигон возвратился в Македонию, против него выступил внезапно новый враг (2) а именно галлы, которые были оставлены вождем Бренном на время его похода в Грецию [дома] для охраны границ своего племени. Не желая казаться бездеятельными, они вооружили пятнадцать тысяч пехотинцев и три тысячи всадников (3) и, обратив в бегство войска гетов и трибаллов, стали угрожать Македонии. Они отправили к царю [Антигону] посольство с тем, чтобы предложить ему мир за выкуп, а также чтобы высмотреть, каков царский лагерь. (4) Антигон с царственной щедростью пригласил послов на невероятно пышный пир. (5) Но галлы, изумленные видом громадного количества золота и серебра и подстрекаемые надеждой на обильную добычу, возвратились к своим в более враждебном настроении, чем пришли к Антигону. (6) Царь приказал показать галльским послам и слонов, чтобы испугать их непривычным для варваров видом этих животных; [он показал им] и корабли с посаженными на них солдатами. (7) Он не понял, что тех, кого он надеялся запугать

¹ Ср. P a u s., X, 23, 12; D i o d., XXII, 9,2; V a l. M a x., I, 1, 18.

² Акихорий (P a u s., X, 23, 12) или Кихорий (D i o d., XXII, 9,2).

³ О войне между Антигоном Гонатом и Антиохом I Сотером см. T r o g., P r o l., 24. Мир был заключен в 279 или 278 г. до н. э. и укреплен в 276 г. до н. э. заключением Гонатом брака с Филой, сестрой Антиоха. О Гонате см. W. W. T a r n, Antigonos Gonatas, Oxford, 1913.

своей мощью, он на деле соблазнял надеждой на богатую добычу. (8) Поэтому послы, вернувшись к своим, все преувеличивая, рассказывали как о царских богатствах, так и о беспечности царя. (9) Они говорили, что лагерь переполнен золотом и серебром, но не укреплен ни ровом, ни валом; что враги оставили всякую заботу о военной защите, как будто сами богатства служат им достаточной охраной, (10) как будто они вовсе не нуждаются в помощи железа, имея в изобилии золото.

Гл. 2. (1) Этот рассказ разжег еще более страсть к добыче в сердцах [этого] жадного племени. (2) Этому содействовал и пример Белгия, который незадолго до того уничтожил македонское войско вместе с его царем¹. (3) Итак, галлы с общего согласия сделали ночью нападение на царский лагерь. Царь, предвидя такую беду, еще накануне отдал приказание, чтобы солдаты, захватив с собой все имущество, укрылись тайком в ближайшем лесу. Лагерь удалось спасти только благодаря тому, что он был покинут. (4) Галлы, видя, что все брошено, что нигде нет не только защитников, но даже сторожей, подумали, что враги не бежали, а пустились на какую-то военную хитрость; поэтому они долгое время опасались войти в лагерьные ворота. (5) В конце концов, не тронув и не повредив укреплений, они заняли лагерь, скорее в целях осмотра его, а не разграбления. (6) После этого, забрав с собой то, что им удалось найти, они повернули к берегу. В то время как галлы, ничего не опасаясь, стали грабить корабли, гребцы с помощью той части войска, которая сбежалась сюда с женами и детьми, перебили их². (7) Избиение галлов было столь ужасно, что слух об этой победе доставил Антигону мир не только с галлами, но и избавил его от свирепости его соседей. (8) Однако в это время у галлов было так много молодежи, что их толпы наводнили всю Азию³. (9) Впоследствии ни один восточный царь не вел ни одной войны без галльских наемников, а тот, кто лишался престола, ни у кого не искал убежища, кроме как у галлов. (10) Само имя галлов внушало такой страх и так велика была слава их военных удач и непобедимости, что одним казалось, будто невозможно сохранить свою власть, другим, — что нельзя возратить утраченную мощь, не прибегая к военной доблести галлов. (11) Призванные на помощь вифинским царем⁴ галлы, одержав [для него] победу, поделили с ним его царство и назвали свою область Галлогрецией⁵.

Гл. 3. (1) Пока все это происходило в Азии, Пирр в Сицилии потерпел поражение от карфагян в морской битве⁶ (2) и через послов потребовал у Антигона, царя македонского, подкреплений⁷, угрожая, что если он их не пришлет, то он, Пирр, вынужден будет возвратиться в свое царство и намерен добиться за счет Антигона усиления своей власти, которую он ранее хотел увеличить за счет римлян. (3) Когда же послы вернулись с отказом, Пирр, под разными вымышленными предлогами, поспешно отплыл из Сицилии. (4) Между тем он приказал своим союзникам готовиться к войне. Охрану крепости в Таренте он поручил сыну своему Гелену и другу Милону. (5) По возвращении в Эпир он немедленно вторгся в пределы Македонии. Антигон с войском вышел навстречу, но потерпел поражение в бою и обратился в бегство. (6) Так Пирр овладел Македонией⁸, сдавшейся ему, и как бы возместил приобретением македон-

¹ См. выше, XXIV, 5, 6.

² Сражение у Лисимахии (на Херсонесе Фракийском) в 277 г. до н. э. Ср. T r o g., Prol., 25; D i o g. L a e r t., II, 141; IG, II², 1, 677.

³ Т. е. Малую Азию. См. F. S t ä h e l i n, Geschichte der kleinasiatischen Galater, 2-е изд., Lpz, 1907.

⁴ Никомед I в 278 г. до н. э. призвал галлов на помощь против своего брата Зи-пойта. Позже галлы заселили территорию к югу от р. Сангария, в северной Фригии. Ср. L i v., XXXVIII, 16, 7—10; T r o g., Prol., 25; S t r a b o, IV, 1, 13; XII, 5, 1; P a u s., I, 4, 5; X, 23, 14; M e m n o n, 19.

⁵ Галлогреция или Галатия.

⁶ См. выше, XXIII, 3, 12 и P l u t., Pyrrh., 24, 1; A p p., Samn., 12; P a u s., I, 12, 5—13, 1.

⁷ С содержанием § 2—3 ср. P a u s., I, 13, 1.

⁸ 274 г. до н. э. Ср. D i o d., XXII, 11; P l u t., Pyrrh., 26; P a u s., I, 13, 2—3.

ского царства ущерб от потери Сицилии и Италии. Он вызвал к себе оставленных в Таренте сына и друга. (7) Антигон же с небольшим отрядом всадников, спутников своих по бегству, внезапно лишенный всех даров счастья, удалился в Фессалонику, намереваясь оттуда наблюдать, как будут развиваться события в утраченном им царстве, и возобновить войну с помощью набранного им войска из галльских наемников. (8) Снова разбитый наголову сыном Пирра Птолемеем, Антигон после поражения бежал с семьей спутниками, не питая уже надежды на возвращение своего царства, а ища потаенного убежища для спасения жизни одинокого беглеца.

Гл. 4. (1) А Пирр, вознесенный на такую вершину власти, не довольствуясь тем, что ему предназначено было достичь по предначертанию судьбы (*votis*), замыслил захват Греции и Азии. (2) Впрочем, он не менее упивался войной, чем властью, и никто, на кого бы он ни напал, не был в силах противиться Пирру. (3) Но насколько он был непобедим, завоеывая царства, настолько же скоро он терял завоеванное и захваченное; он гораздо больше заботился о том, чтобы захватывать власть, чем удерживать ее. (4) И вот, когда Пирр переправил свои войска в Херсонес¹, его встретили посольства афинян, ахейн и мессенян. (5) Да и вся Греция ожидала его прихода, дивясь славе его и подвигам в войнах против римлян и пунийцев. (6) Первые военные его действия были направлены против спартанцев². Здесь его встретили с большим мужеством женщины, чем мужчины, и он потерял сына Птолемея с наиболее сильной частью своего войска: (7) когда Пирр начал осаду города, для защиты отечества собралось столько женщин, что он был вынужден отступить не столько побежденный, сколько устыдившийся. (8) Далее, говорят, что сын Пирра Птолемей был до такой степени стремителен и силен, что взял город Коркиру с шестидесятью воинами; он же в морском сражении взобрался с лодки на квинкверему всего с семью человеками, захватил и удержал за собой этот корабль. (9) Во время штурма [города] спартанцев он въехал на коне в середину города и там был убит сбежавшей толпой³. (10) Когда принесли к отцу его труп, Пирр, как говорят, сказал, что Птолемей погиб позже, чем он, Пирр, опасался и чем можно было ожидать, судя по его безрассудной храбрости.

Гл. 5. (1) Пирр, отбитый спартанцами, напал на Аргос. Здесь, когда он пытался захватить запершегося в городе Антигона⁴, он, сражаясь в самой гуще боя, пал, пораженный брошенным со стены камнем⁵. (2) Голову его принесли Антигону, который воспользовался своей победой с большой умеренностью: сына Пирра Гелена, который сдался ему вместе с эфиротами, он отпустил в его царство и передал ему еще непогребенные кости его отца, чтобы Гелен отвез их на родину. (3) Все писатели с достаточным единодушием придерживаются того мнения, что ни одного царя, ни из современников Пирра, ни из тех, которые жили раньше, нельзя с ним сравнить; редко можно было увидеть не только между царями, но также и среди знаменитых мужей человека более непорочной жизни и более испытанной справедливости. (4) Настолько хорошо знал он военное дело, что сражаясь с Лисимахом, Деметрием, Антигоном, столь великими царями, он всегда оставался победителем, (5) а в войнах с иллирийцами, сицилийцами римлянами и карфагенянами он никогда не бывал побежден, а по большей части оказывался победителем. (6) Родину свою, страну бедную и безвестную, славою своих подвигов и блеском своего имени он прославил поистине на весь мир.

¹ По *Glareanus* — Peloponneso.

² 272 г. до н. э. Об осаде Спарты Пирром см. *Plut.*, *Pyrrh.*, 27—30; ср. *Paus.*, I, 13,4,6—7; *Polyaen.*, VI, 6,2; VIII, 49.

³ Согласно *Плутарху* (*Pyrrh.*, 30; ср. 28), Птолемей был убит позднее, на пути в Аргос.

⁴ Ср. *Paus.*, I, 13,7. Согласно *Плутарху* (*Pyrrh.*, 31), Антигон стоял на возвышении вне города.

⁵ Ср. *Plut.*, *Pyrrh.*, 32—34; *Polyaen.*, VIII, 68; *Paus.*, I, 13,8. Смерть Пирра падает на 272 г. до н. э.

КНИГА XXVI

Гл. 1. (1) После смерти Пирра вспыхнули не только в Македонии, но также в Азии и Греции, крупные войны. (2) Жители Пеллопоннеса, вследствие предательства, перешли под власть Антигона¹. (3) Одни [города] были опечалены смертью Пирра, другие ей радовались; в зависимости от того, какие из них надеялись на помощь Пирра, а какие боялись его, теперь одни вступили в союз с Антигоном, а другие, вследствие взаимной ненависти, подняли оружие друг против друга. (4) Во время этого смещения, когда в брожение пришли все области, в городе элени Аристотим², один из виднейших граждан, установил свою тиранию. (5) Многих из первых лиц [в городе] он убил, еще больше изгнал. Когда этоляне³ потребовали через послов, чтобы он вернул изгнанникам их жен и детей, Аристотим сначала отказал, (6) а затем, как бы раскаявшись, дал разрешение всем матронам ехать к своим мужьям и назначил им день отъезда. (7) Женщины, полагая, что им до конца своих дней придется жить в изгнании вместе с мужьями, сошлись у ворот, чтобы отправиться в путь всем вместе, забрав с собой все наиболее ценное: но все эти вещи были у них отняты, а сами они брошены в тюрьму; малые дети были убиты на руках у матерей, а девушки опозорены. (8) Когда все как бы оцепенели, устрашенные столь жестокой тиранией, тогда Гелланик, один из знатнейших граждан, бездетный старик, ничего не боявшийся, как по возрасту своему, так и потому, что никто из его родных не остался в заложниках у тирана, собрав у себя в доме преданнейших друзей, убеждает их спасти родину. (9) Когда же они, не решаясь подвергнуть себя опасности во имя общества, стали просить отсрочки чтобы обсудить это дело, Гелланик призвал рабов, приказал запереть двери и немедленно сообщить тирану, чтобы тот прислал людей схватить заговорщиков, собравшихся в его доме; если ему самому, говорит он каждому, не удастся спасти родину, то он, по крайней мере, отомстит тем, кто покидает [ее в беде]. (10) Тогда друзья Гелланика, видя перед собой гибель и в том и в другом случае, избирают более благородный путь и клянутся убить тирана. И Аристотим погибает на пятый месяц⁴ после захвата тиранической власти.

Гл. 2. (1) В то время, когда Антигон был вынужден одновременно вести войну и с Птолемеем и со спартамцами⁵, на него нахлынул еще новый враг — войско галло-греков⁶. Оставив небольшой отряд в якобы укрепленном лагере для защиты от прочих врагов, он с главными своими силами выступил против галлов. (2) А галлы, узнав об этом, стали тоже готовиться к сражению и заклали жертвы, чтобы получить знамения [относительно предстоящего боя]. Внутренности животных предрекли, что галлов ожидает великое избиение и всеобщая гибель, но это повергло их не в страх, а в ярость, и,

¹ Согласно Полибию (II, 41, 10; IX, 29, 5—6), большинство из тиранов, поставленных в греческих городах Антигоном Гонатом и его предшественниками (Деметрием, Кассандром), было «рассажено» (ἐμφυτεύσαι) именно Гонатом.

² См. подробный рассказ у Plut., Mor., 250F—253E (de mul. virt., 15). Согласно Плутарху (ср. P a u s., V, 5, 1; Trog., Prol., 26), Аристотим был ставленником Антигона Гоната.

³ Об участии этолян в этом деле см. также Plut., Mor., 251C, 252A; ср. P a u s., VI, 14, 11.

⁴ По Павсанию (V, 5, 1), правление Аристотима длилось шесть месяцев.

⁵ Речь идет о Хремонидовой войне 267—262 гг. до н. э., названной так по имени афинского деятеля, по предложению которого (IG, II², 1, № 686—687), война против Антигона была предпринята. В этой войне на стороне афижан сражались флот Птолемея Филадельфа и пеллопоннесское войско под командованием спартанского царя Арея. См. P a u s., I, 1, 1; 7, 3; III, 6, 4—6; Trog., Prol., 26; Athen., VI, 250F.

⁶ Это были восставшие галльские наемники Антигона. Сражение с ними произошло ок. 265 г. до н. э. под Мегарами. Ср. Trog., Prol., 26.

думая, что угрозу богов можно искупить убийством своих кровных, они убивают своих жен и детей и тем самым осуществляют дурные предзнаменования, уничтожив своих близких. (3) Их дикими душами овладела такая свирепость, что они не щадили и того возраста, который падят даже враги, а истребили и детей и их матерей, ради защиты которых обычно начинают войну. (4) Итак, точно купив ценой преступления жизнь и победу, галлы, еще обогранные кровью только что убитых родичей, вступают в бой, исход которого оказался для них не лучше, чем предзнаменования. (5) Раньше, чем враги, галлов обступают фурии, мстительницы за убийство родичей, и тени убитых носятся перед ними. Галлы были изрублены все до одного. (6) Избиение было таково, что казалось, боги объединились с людьми для кары за злодеяние. (7) Узнав об исходе этой битвы, Птолемей и спартанцы, уклоняясь от встречи с победоносным вражеским войском, отступили в более безопасные местности¹. (8) Антигон, узнав об их отступлении и стремясь использовать еще не остывший после недавней победы пыл своих солдат, начал войну против афинян². (9) Но в то время как Антигон был занят этой войной³, эпирский царь Александр, желая отомстить за смерть отца своего Пирра, начал опустошать македонские области. (10) Когда же Антигон возвратился из Греции и выступил против Александра, то солдаты Антигона перешли на сторону врагов, и вместе с войском он потерял и Македонское царство. (11) Сын его Деметрий, еще подросток, в отсутствие отца вновь набрал войско и не только добыл обратно потерянную Македонию⁴, но даже отобрал Эпирское царство у Александра. (12) Столь велико было то ли непостоянство солдат, то ли превратность судьбы, что цари попеременно становились то изгнанниками, то снова царями.

Гл. 3. (1) Так, Александр бежал изгнанником в Акарнанию, но вскоре был восстановлен на царстве, как по желанию самих эпиротов, так и с помощью союзников⁵. (2) В то же самое время умер царь Кирены Магас⁶, который еще до болезни, чтобы покончить распрю с братом своим Птолемеем, просватал за сына⁷ последнего свою единственную дочь Беренику. (3) Однако после смерти царя мать девушки Арсиноя⁸, чтобы расстроить брак, о котором договорились против ее воли, отправила посланцев, которым поручила пригласить из Македонии для женитьбы на ее дочери и для занятия царского престола в Кирене Деметрия, брата царя Антигона и внука Птолемея от его дочери⁹. (4) Деметрий не заставил себя ждать. С попутным ветром он быстро примчался в Кирену. Однако, уверенный в своей красоте, которая, больше, чем следует, начала нравиться его [будущей] теще, он, гордый от природы, стал слишком надменно вести себя по отношению к царской семье и войску, и притом старался поправиться не столько

¹ Ср. P a u s., III, 6, 6.

² Точнее сказать, продолжалась Хремонидова война.

³ Антигон разбил пелопоннесское войско в битве у Коринфа (265 или 264 г. до н. э.), во время которой сам Арей был убит (P l u t., Agis, 3, 7; о датировке см. D i o d., XX, 29). Позже (262/1 г. до н. э.) сдались и Афины. См. P a u s., III, 6, 6; P o l y a e n., IV, 6, 20.

⁴ 264 г. до н. э.

⁵ См. ниже, 2-е прим. к XXVIII, 1, 1.

⁶ Магас был сыном Береники, пасынком египетского царя Птолемея I, который передал ему в управление Кирену. В 274 г. до н. э., во время Первой Сирийской войны между Антиохом I и Птолемеем II, Магас выступал на стороне Антиоха, дочь которого он взял в жены. Магас умер ок. 258 г. до н. э. О хронологических проблемах, связанных с правлением Магаса, см. M. C a r y, A History of the Greek World from 323 to 146 B. C., L., 1932, стр. 393—394.

⁷ Т. е. за будущего Птолемея III Эвергета I.

⁸ Согласно другим источникам (P a u s., I, 7, 3; E u s e b., I, 249), имя вдовы Магаса было не Арсиноя, а Апама (Апама была дочерью Антиоха I Сотера). По предположению Белоха, Юстин здесь спутал имена (см. K. V e l o c h, Griech. Gesch., т. IV, ч. 2, стр. 190).

⁹ Этот Деметрий, прозванный Прекрасным, был сыном Деметрия Полиоркета и Птолемаиды, дочери Птолемея I (P l u t., Demetr., 53).

девушке, сколько ее матери. (5) Это показалось подозрительным сначала самой девушке, а потом местному населению и солдатам, и вызвало ненависть к нему. (6) Поэтому всеобщее мнение склонилось в пользу сына Птолемея, а против Деметрия составился заговор, и, когда он однажды разделял ложе со своей тещей, к нему были подосланы убийцы. (7) Арсиноя, услышав голос дочери, стоявшей у двери и предупреждавшей убийц, чтобы они пощадили ее мать, некоторое время телом своим защищала любовника. (8) Но все же он был убит, и Береника, таким образом, отомстила матери за предлюбодеяние, не нарушив дочернего долга, а в выборе мужа последовала решению своего отца.

КНИГА XXVII¹

Гл. 1 (1) После смерти сирийского царя Антиоха² ему наследовал его сын — Селевк³. Он начал свое царствование с убийства своих родичей, подстрекаемый к этому матерью своей Лаодикой, которая должна была бы удержать его от преступлений. (2) Селевк убил свою мачеху Беренику⁴, сестру египетского царя Птолемея, вместе с малолетним своим братом⁵, от нее рожденным. (3) Совершив это преступление, он и себя опозорил и навлек на себя войну с Птолемеем⁶. (4) Когда Береника в свое время узнала, что посланы люди, которые должны ее убить, она заперлась в Дафине⁷. (5) Как только по городам Азии⁸ разнеслась весть, что Береника вместе с малолетним сыном находится в осаде, они, чья память ее отца и ее предков и сокрушаясь о столь незаслуженной превратности ее судьбы, все послали ей на помощь вспомогательные отряды. (6) Спешно прибыл [на помощь ей] со всеми своими силами, покинув свое собственное царство, также и брат ее Птолемей, испуганный опасностью, грозившей сестре⁹. (7) Но Береника была убита раньше, чем подошла помощь; ее не могли одолеть силой, а обошли хитростью¹⁰. (8) Это преступление возмутило всех. Поэтому все города, [ранее отложившиеся, немедленно снарядили огромный флот¹¹] потрясенные таким проявлением жестокости, перешли на сторону Птолемея, чтобы отомстить за ту, кого они хотели защитить. (9) Если бы Птолемей не был отозван в Египет, где началось восстание, он захватил бы все царство Селевка¹². (10) Такую нена-

¹ См. подробные комментарии к кн. XXVII—XXXIII у J. Voegma, *Historischer Kommentar zu Justins Epitome Historiarum Philippicarum des Pompeius Trogus, I. XXVII—XXXIII und zu den Prologi dieser Bücher, den Haag, 1937.*

² Антиох II Теос, правил с 261 по 247 г. до н. э. Об обстоятельствах его смерти ср. A p p., *Syr.*, 65; P l i n., *N. h.*, VII, 10,3; V a l. M a x., IX, 14, ext. 1; H i e r o n., ad Dan., 11, 6. Историю Селевкидов см. у E. R. Bevan, *The House of Seleucus B. C. 323—64, L., 1902*; A. Buché-Leclercq, *Histoire des Séleucides, P., 1913*; САН, VII—IX.

³ Селевк II Каллиник, правил с 247 по 226/5 г. до н. э. Сын Антиоха II Теоса и Лаодики. Женившись на Беренике, Антиох отослал от себя Лаодику и Селевка. Однако перед смертью он снова приблизил их к себе и передал царство Селевку.

⁴ Дочь Птолемея II Филадельфа, сестра Птолемея III Эвергета.

⁵ Имя малолетнего сына Береники нигде не упоминается.

⁶ Третья Сирийская, или Лаодикейская, война (246—241 гг. до н. э.). Анализ крайне скудных и противоречивых источников об этой войне см. у M. C a r y, *ук. соч.*, App. 8; K. V e l o s h, *Griech. Gesch.*, т. IV, ч. 2, стр. 536—541.

⁷ Daphna — Дафна, пригород Антиохии. См. S t r a b o, XVI, 2, 6.

⁸ Asiae civitatibus. Возможно, что здесь имеются в виду греческие полисы Малой Азии. Ср. выше, XI, 10, 4.

⁹ О египетской экспедиции в Антиохию в помощь Беренике см. папирус «Гуроб» в FGH, II B, стр. 885.

¹⁰ Ср. P o l y a e n., VIII, 50; V a l. M a x., IX, 14, 10, ext. 1.

¹¹ Слова в скобках, по мнению Иерра, являются позднейшей вставкой.

¹² 246 г. до н. э. Источники (P o l y b., V, 58, 10—11; P o l y a e n., VIII, 50; H i e r o n., ad Dan., 11,6; D i t t e n b e r g e r, OGI, № 54; A p p., *Syr.*, 65) расходятся в том,

висть возбудил против себя Селевк преступным убийством родичей и такую всеобщую благосклонность принесла Птолемею смерть его сестры, столь гнусным образом загубленной.

Гл. 2. (1) После ухода Птолемея Селевк соорудил громадный флот для борьбы с отложившимися городами. Но внезапно разразилась буря, как будто сами боги мстили [за совершенное им убийство], и Селевк потерял в результате кораблекрушения свой флот. (2) И от всего огромного снаряжения судьба не оставила ему ничего, кроме нагого тела, дыхания жизни да немногих спутников, спасшихся при кораблекрушении. (3) Это было, конечно, большое несчастье, но оно оказалось на руку Селевку, так как города, которые из ненависти к нему ранее перешли на сторону Птолемея, как будто удовлетворившись приговором богов, внезапно переменили свое настроение, прониклись к нему жалостью в связи с кораблекрушением, и снова отдались ему под власть. (4) Итак, ликуя по поводу своих бедствий и разбогатеv от своих потерь, он начал войну против Птолемея¹, как равный ему по силе. (5) Но Селевк был словно рожден для того, чтобы стать игролищем судьбы, и вернул себе царскую власть лишь для того, чтобы снова ее потерять. Он был разбит и в смятении, сопровождаемый лишь такой же небольшой кучкой, как после кораблекрушения, бежал в Антиохию. (6) Отсюда он отправил письмо к брату своему Антиоху, в котором умолял его о поддержке, и в награду за помощь обещал ему часть Азии, ограниченную Таврским хребтом². (7) Антиох же, хотя ему было четырнадцать лет, был не по возрасту жаден до власти и ухватился за представившуюся ему возможность не с такой искренностью, с какой брат предоставил ему ее. Этот мальчик с преступной смелостью взрослого человека решился отнять по-разбойничьи у брата все. (8) Поэтому он был прозван Гиеракс³, ибо он жил не как человек, а как коршун, всегда похищая чужое. (9) Между тем, когда Птолемей⁴ узнал, что Антиох идет на помощь Селевку, он, чтобы не вести войны одновременно с двумя [врагами], заключил с Селевком мир на десять лет. (10) Однако мир, предоставленный [Селевку] врагом, был нарушен братом, который, набрав войско из галльских наемников, вместо оказания помощи, о которой просил его брат, пошел на него войной⁵, явив себя не братом, а врагом. (11) В последовавшем сражении⁶ Антиох благодаря храбрости галлов оказался победителем. Однако галлы, думая, что Селевк пал в сражении, обратили оружие против самого Антиоха, так как рассчитывали, что им будет привольнее грабить Азию, если они истребят весь царский род. (12) Но когда Антиох узнал об этом, он откупился от галлов золотом, как от разбойников, и заключил союз со своими же наемниками.

Гл. 3. (1) Между тем вифинский царь Эвмен⁷, увидев, что братья раздорами и междоусобными войнами ослабили себя, решил вторгнуться в Азию, как во владение,

как далеко проникнул Птолемей III Эвергет в восточные владения Селевкидов. См. K. V e l o s c h, Griech. Gesch., т. IV, ч. 2, стр. 518. В 245 г. до н. э. Селевк восстановил свою власть в Вавилонии и Антиохии. О восстании в Египте см. А. Б. Р а н о в и ч, Эллинизм и его историческая роль, М.—Л., 1950, стр. 179.

¹ Поход в южную Сирию — 243 г. до н. э.

² Селевк согласился признать брата, наместника в Сардах, правителем малоазийских владений Селевкидов. Селевк в это время (241 г. до н. э.) осаждал Дамаск.

³ По-гречески Πέραιξ означает «коршун».

⁴ Птолемей III Эвергет.

⁵ Речь идет о «Войне братьев» (ок. 239—236 гг. до н. э.), при помощи которой Селевк постарался вернуть себе владения в Передней Азии, перешедшие под контроль Гиеракса в 241 г. до н. э. (см. выше, прим. к § 6).

⁶ Сражение при Анкире (в Галатии) ок. 236 г. до н. э. См. Athen, XIII, 593 e (Phylarch., FHG, I, стр. 341); Polyaeт., IV, 9, 6; VIII, 61. В это самое время, повидимому, парфяне напали на восточные сатрапии Селевка. См. ниже, XLI, 4, 7 и T г о г., Prol., 27.

⁷ На Антиоха Гиеракса напал, очевидно, Аттал I Пергамский (правил с 241 по 197 г. до н. э.). Ср. T г о г., Prol., 27.

никому не принадлежащее, и напал на победителя Антиоха и галлов. (2) Своими свежими силами он без труда одолел врагов¹, утомленных предшествующими боями. (3) Все эти войны в ту эпоху велись на погибель Азии; каждый, кто был посильнее, захватывал ее, как свою добычу. (4) Из-за Азии вели войну братья Селевк и Антиох; египетский царь Птолемей, под предлогом мести за сестру, жаждал овладеть Азией. (5) Здесь ее грабил Эвмен Вифинский, там — галлы, всегда готовые продать свои услуги слабейшему, и не было никого, кто бы защитил Азию от этой своры разбойников. (6) Когда Антиох был побежден, а Эвмен занял большую часть Азии², даже и тогда братья не смогли помириться между собой, хотя лакомый кусок, из-за которого они вели войну, был для них потерян. Оставив внешнего врага без внимания, они возобновили войну между собой на взаимную гибель. (7) В этой войне Антиох был снова побежден и, утомленный многодневным бегством, добрался, наконец, до своего тещя Ариамена, царя Каппадокии. (8) Сначала последний оказал ему радушный прием, но спустя некоторое время Антиох узнал, что царь строит против него козни, и искал спасения в бегстве. (9) Но так как для беглеца нигде не находилось безопасного места, он бежал к своему врагу Птолемею, которому он больше доверял, чем своему брату, помня и о том, как он сам намеревался поступить с братом, и о том, чего он мог от него за это ожидать. (10) Но Птолемей поступил с ним не как друг сдавшегося [Антиоха], а как враг его брата, и приказал держать Антиоха под строжайшей охраной. (11) Однако Антиох, обманув тюремщиков, бежал из-под стражи при содействии одной продажной женщины, с которой был в близких отношениях, и во время бегства был убит разбойниками³. (12) Почти в то же самое время и Селевк, потерявший свое царство⁴, погиб, упав с лошади. Так оба брата не только по крови, но и по несчастью, оба, из царей ставшие изгнанниками, понесли кару за свои злодеяния.

КНИГА XXVIII

Гл. 1. (1) Когда дочь эпирского царя Олимпиада лишилась мужа своего Александра⁵, который был в то же время ее родным братом, она взяла на себя опеку над рожденными от него двумя сыновьями, Пирром и Птолемеем, а также и управление государством. В это время этоляне захотели отобрать часть Акарнании, которую отец мальчиков ранее получил как свою долю военной добычи⁶. Олимпиада прибегла к помощи царя Македонии Деметрия⁷. (2) У Деметрия была жена⁸, сестра сирийского царя Антиоха, но Олимпиада выдала за него замуж дочь свою Фтию, чтобы по праву родства получить от него помощь, которой не могла добиться от Деметрия, взывая к его сочувствию. (3) Итак, состоялась свадьба; путем нового брака были приобретены некоторые

¹ Ок. 230 г. до н. э. Аттал I разбил галлов в двух битвах — у р. Каика и в самом Пергаме, около храма Афродиты. См. Т р о г., 27; P o l y b., XVIII, 41, 7; L i v., XXXIII, 21, 3; XXXVIII, 16, 14; 17, 15; S t r a b o, XIII, 4, 2.

² Ср. P o l y b., IV, 48, 7. Во время войны 236—228 гг. до н. э. Аттал I изгнал Гиерака из Передней Азии.

³ Гиерак был убит во Фракии в 226 г. до н. э. Ср. Т р о г., Prol., 27; P o l y b., V, 74, 4.

⁴ Владения Селевкидов в Малой Азии теперь перешли к Атталу I Пергамскому; значительные части восточных сатрапий отпали от Селевкидов, но Селевк II в конце жизни еще обладал Месопотамией и северной частью Сирии.

⁵ Александр умер около 255 г. до н. э.

⁶ Александр в союзе с этолянами участвовал в войне против Акарнании. В результате победы ему досталась западная Акарнания, этолянам — восточная. См. P o l y b., II, 45, 1; IX, 34, 7; D i t t e n b e r g e r, Sull.³, № 421; ср. P a u s., X, 16, 6.

⁷ Деметрий II, сын Антигона Гоната, правил с 239 по 229 г. до н. э. (P o l y b., II, 44, 2). Следовательно, или это событие произошло после 239 г. до н. э., или Деметрий не был еще царем, когда к нему обратилась Олимпиада.

⁸ Это была Стратоника, сестра Антиоха II Теоса.

выгоды, но оскорбление прежнего брака повлекло за собой беды. (4) Ибо прежняя жена [Деметрия], как изгнанная супругом, по собственному желанию уехала к своему брату Антиоху¹ и побудила его к войне против своего мужа. (5) Акарнаны [в свою очередь], не доверяя эпиротам просили против этолян помощи у римлян. Они добились у римского сената того, что он отправил послов², (6) чтобы объявить этолянам следующее: пусть они выведут из Акарнании свои гарнизоны; пусть останутся свободными те, которые некогда одни только не послали грекам вспомогательных отрядов против троянцев³, от которых произошли римляне.

Гл. 2. (1) Но этоляне выслушали римских послов с большим высокомерием. Они попрекали [их] тем, что и пунийцы и галлы в многочисленных войнах не раз уничтожали римские войска [до последнего человека]. (2) Они говорили, что римлянам следовало бы раньше отпереть свои [городские] ворота, [запертые из страха перед пунийцами], чем обращать свое оружие против Греции. (3) Пусть римляне вспомнят о том, кто они и кому они угрожают: (4) ведь они даже не смогли защитить свой город от галлов, а когда он был взят, они не железом отстояли его, а выкупили золотом, (5) тогда как этоляне целиком уничтожили то же самое племя, когда оно в свое время вторглось в Грецию с большими силами, [чем некогда против римлян]; притом они уничтожили его не только без посторонней помощи, но даже силами не всех своих соотечественников; и те земли, где галлы намеревались основать свои города и свою державу этоляне предоставили им как место для погребения. (6) Наоборот, Италия была почти вся занята галлами, в то время как римляне трепетали от страха, который навел на них недавний пожар Рима. (7) Поэтому им сначала следует выгнать из Италии галлов, а потом уже угрожать этолянам, сперва надо свое защищать, а потом уже добиваться чужого. (8) Да и что за народ эти римляне?⁴ Ведь это пастухи, которые владеют землей, грабительски отнятой у законных владельцев⁵; (9) они вследствие этого своего позорного происхождения даже и жен не могли себе найти, им пришлось их открыто похищать. (10) Да и самый свой город они заложили на братоубийстве и основание своих стен забрызгали кровью братской. (11) Этоляне же были первыми между греками и как благородством своего происхождения, так и доблестью превосходили прочих. (12) Наконец, только они одни из всех свысока смотрели на македонян, которые в расцвете своей мощи властвовали над многими землями⁶. Они не боялись царя Филиппа, они презирали распоряжения⁷ Александра Великого, в то время как все трепетали от одного его имени после его побед над персами и индами. (13) Поэтому они советуют римлянам довольствоваться тем, что они имеют, и не вызывать на бой против себя то оружие, которое, как они видят, уничтожило галлов и презрело мощь македонян. (14) С этим они отправили обратно римское посоль-

¹ Стратоника уехала не к Антиоху II Теосу, который умер в 247 г. до н. э., а к своему племяннику Селевку II Каллинику. Она старалась поднять в Антиохии восстание против царя и была за это казнена. Ср. FHG, III, стр. 196.

² Согласно ряду современных историков: M. H o l l e a u x (Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques..., P., 1921, стр. 30 сл.; ср. о н ж е, САН, VII, 1928, стр. 823) и др., сообщение Юстина об этом посольстве римлян является недостоверным. Противоположная точка зрения выражена, например, у Б е л о х а (Griech. Gesch., т. IV, ч. 1, стр. 634, прим. 3). Ср. S t r a b o, X, 2, 25, стр. 462.

³ Акарнаны не упомянуты в *κατάλογος νεών* (II, II, 484—877). Однако, см. S t r a b o, X, 2, 8, стр. 451—452, 2,24—25, стр. 461—462.

⁴ С § 8—9 ср. еще более резкую характеристику римлян, приписанную Саллюстием Митридагу: S a l l u s t., Hist., 69, 17 (из письма Митридата парфянскому царю).

⁵ См. ниже, XXXVIII, 6,7; ср. L i v., I, 4; D i o d., VIII, 4; P l u t., Rom., 6 сл. и др.

⁶ Ср. выше, IX, 5,3; XII, 1,7, и ниже XXVIII, 4, 1, где в тех же выражениях говорится о спартамцах.

⁷ Например, приказ о возвращении изгнанных. См. выше, XIII, 5, 2 и прим.; ср. D i o d., XVIII, 8, 6.

ство, а чтобы не казалось, что на словах они более храбры, чем на деле, они стали опустошать эпирские и акарнанские области.

Гл. 3. (1) [В это время] Олимпиада уже передала управление государством своим сыновьям; умершему брату Пирру наследовал на престоле Птолемей. (2) Во главе хорошо снаряженного войска он выступил против врагов, но, сраженный болельню, умер во время похода¹. (3) Олимпиада, убитая скорбью после двойных похорон, через силу влача существование, не намного пережила своих сыновей. (4) Из всего царского рода остались только две девушки — Нерейда с сестрой своей Лаодамией². Нерейда вышла замуж за Гелона, сына сицилийского тирана³, (5) а Лаодамия была убита толпой народа у самого алтаря Дианы, к защите которой она прибегла⁴. (6) Боги бессмертные отомстили за это преступление: непрерывные бедствия обрушились на народ [эпирский], и он чуть не погиб весь; (7) они [эпироты] страдали от неурожая и голода, их терзали внутренние раздоры, и наконец, они почти совсем были истреблены войнами с внешним врагом. (8) А Милон⁵, убийца Лаодамии, впал в буйное помешательство и, терзая свое тело то железом, то камнями, а в конце концов — зубами, умер на двенадцатый день. (9) Между тем как это происходило, скончался македонский царь Деметрий⁶, оставив малолетнего еще сына Филиппа⁷. (10) Ему в опекуны был дан Антигон⁸. Взяв себе в жены мать мальчика-сироты, он сам стал стремиться к царской власти. (11) Спустя некоторое время, когда произошло страшное восстание (seditione) и Антигон был во дворце осажден восставшими, он вышел без телохранителей к народу и, бросив в толпу диадему и пурпурную одежду, (12) потребовал, чтобы народ передал их другому, или такому, который не станет ничего приказывать им, или такому, которому они сами сумеют повиноваться. (13) Он же до сих пор от этой ненавистной царской власти испытывает не удовольствие, а видит одни только труды и опасности. (14) Затем он напомнил о своих благодеяниях: как он покорил отложившихся союзников, как он усмирил дарданцев и фессалийцев, обрадовавшихся смерти царя Деметрия, как он не только защитил достоинство македонян, но и вознес его еще выше. (15) Если они всем этим недовольны, он слагает власть и отказывается от своего сана, так как, очевидно, они ищут себе царя, над которым они будут властвовать. (16) Когда народ, пораженный стыдом, постановил, чтобы Антигон снова взял власть, он до тех пор отказывался, пока зачинщики мятежа не были выданы ему для казни.

Гл. 4. (1) После этого он напал на спартанцев, которые одни только во времена войн Филиппа и Александра с презрением относились и к владычеству македонян и к их оружию, всем ввухавшему страх. (2) Между этими двумя благороднейшими народами война⁹ велась с обеих сторон с величайшим напряжением, так как одни сражались за исконную славу македонян, а другие не только за сохранение уцелевшей еще своей свободы, но и за самое свое существование. (3) Потерпев поражение¹⁰, лакедемоняне не только сами, но и жены их и дети мужественно переносили свою судьбу. (4) Никто

¹ Птолемей умер ок. 231 г. до н. э.

² Согласно другим источникам, имя последней представительницы царского рода в Эпире было Дейдамия.

³ Согласно П о л и б и ю (VII, 4,5) и П а в с а н и ю (VI, 12, 3), Нерейда, дочь Пирра I, была женой Гелона, сына Гиерона II, и матерью Гисронима, последнего сиракузского тирана. См. К. В е л о с h, Griech. Gesch., т. IV, ч. 2, стр. 150—152.

⁴ Ср. Р о л у а е н., VIII, 52; Т р о г., Prol., 28.

⁵ О Милоне упоминает и П о л и е н (VIII, 52).

⁶ 229 г. до н. э.

⁷ Будущий Филипп V.

⁸ Антигон II Досон, правил с 229 по 221 г. до н. э. Он был двоюродным братом Деметрия II. См. Р о л у б., II, 45, 2.

⁹ Клеоменова война (228—222 г. до н. э.). Основные источники: Р л у т., Cleom., Arat., 35—46; Р о л у б., II, 46—69.

¹⁰ Битва при Селласии в 222 г. до н. э.

в бою не шадил своей жизни, ни одна женщина не плакала, потеряв мужа, старики хвалились смертью своих сыновей, сыновья ликовали, когда отцы их гибли в бою, а те, которые сами не пали за свободу родины, горевали о своей участи. (5) Все [граждане] открыли двери своих домов для приема раненых, лечили раны, восстанавливали силы изнуренных (6). При всем том в городе [Спарте] не было никакого шума, никакого смятения, все скорбели больше не о личной своей участи, но о бедствии государства. (7) В это время царь Клеомен¹, убив много врагов, неожиданно, появился в городе, залитый с головы до ног и своей и вражеской кровью. (8) Войдя в город, он не сел на землю, не потребовал себе пищи или питья, не снял с себя тяжелого вооружения, (9) но, прислонившись к стене и увидев, что после боя осталось в живых только четыре тысячи², обратился к ним с призывом сохранить себя до лучших времен, которые настанут для государства, (10) а после этого с женой и детьми отправился в Египет к Птолемею³. Он был принят Птолемеем с честью и долго жил у него в полном почете, подобающем царю. (11) После смерти Птолемея, он был убит⁴ со всей своей семьей сыном Птолемея⁵. (12) А Антигон, после того как погибло столько спартанцев, сжалившись над печальной судьбой столь великого города, запретил солдатам грабить его и пощадил тех, кто остался в живых⁶. (13) Объявив, что он вел войну с Клеоменом, а не со спартамцами, и что бегство Клеомена положило конец его гневу, [он сказал]: (14) слава его, Антигона, только возрастет, если станет известно, что он сохранил Лакедемон, который никто, кроме него, не смог взять. (15) Поэтому он шадит землю, на которой стоит город, и дома его, так как людей, которых он мог бы пощадить, уже не осталось. (16) Немного спустя сам Антигон умер и передал царскую власть юному Филиппу, которому было четырнадцать лет⁷.

КНИГА XXIX

Гл. 1. (1) Приблизительно в это же время почти во всем мире изменились правительства (*imperia mutata sunt*)⁸, так как престол наследовали новые цари. (2) Так, в Македонии после смерти Антигона, своего опекуна и отчима, принял царскую власть четырнадцатилетний Филипп¹⁰, (3) в Азии, после убийства Селевка⁹, был поставлен в цари несовершеннолетний еще Антиох¹¹, (4) в Каппадокии царь¹² сам передал власть своему сыну Ариарату¹³, который был еще мальчиком. (5) Египетское царство захватил Птоле-

¹ Сходное описание см. у P l u t., Cleom., 29; ср. T r o g., Prol., 28. Клеомен III, спартанский царь (235—222 г. до н. э.).

² Ср. P l u t., Cleom., 28, 8.

³ Птолемей III Эвергет. См. T r o g., Prol., 28. О деятельности и смерти (219 г. до н. э.) Клеомена в Египте см. P l u t., Cleom., 32—37; P o l y b., V, 34—39.

⁴ Клеомен сделал попытку поднять восстание в Александрии, но потерпел неудачу. Ср. P l u t., Cleom., 36—37; P o l y b., V, 39; P a u s., II, 9, 3; T r o g., Prol., 28.

⁵ Речь идет о Птолемею IV Филопаторе.

⁶ Об обращении Антигона Досона с побежденной им Спартой см. P l u t., Cleom., 30, 1; P o l y b., II, 70, 1; ср. V, 9, 9.

⁷ Филипп V, сын Деметрия II (правил с 221 по 179 г. до н. э.). Согласно Полибию (IV, 5, 3; 24, 1), Филиппу было не 14, а 17 лет, когда он стал царем.

⁸ § 1—7 по существу повторение Полибия (IV, 2, 4—10).

⁹ Ср. выше. XXVIII, 4, 16 и прим.

¹⁰ Селевк III Керавн, старший сын Селевка II Каллиника, правил с 226 по 223 г. до н. э. Был убит во время похода в Малую Азию против Аттала I Пергамского. T r o g., Prol., 27; A r r., Syr., 66; N i e r o n., ad Dan., 11, 10; P o l y b., II, 71, 4.

¹¹ Антиох III Великий, младший брат Селевка III Керавна, правил с 223 по 187 г. до н. э. Ср. P o l y b., V, 40, 5—6.

¹² Ариарат III. Ср. P o l y b., IV, 2, 8; D i o d., XXXI, 19, 6.

¹³ Ариарат IV:

мей¹, убивший и отца и мать; за это злодейство ему было дано прозвище «Филопатора», (6) а спартанцы на место Клеомена избрали Ликурга². (7) И как бы для того, чтобы в это время повсюду произошли какие-нибудь перемены, карфагеняне возвели в военные вожди Ганнибала³, еще не достигшего зрелого возраста⁴; [это сделали] не от недостатка в людях старшего возраста, но из-за ненависти его к римлянам, которой, как известно, он был пропитан с самого детства — роковое несчастье не столько для римлян, сколько для самой Африки. (8) Эти цари-мальчишки — при них и не было правителей старшего возраста, — идя по стопам своих предков, проявили большие природные дарования и доблесть. (9) Один только Птолемей и трон добыл преступлением и в делах правления был бездейтелен. (10) Филиппа упорно тревожили нападениями дарданцы⁵ и все остальные соседние народы; между ними и македонскими царями была как бы неистребимая взаимная ненависть, а Филиппа они [вдобавок] презирали⁶ за его малолетство. (11) Однако Филипп, прогнав врагов, не удовольствовался тем, что отстоял свое, но сверх того стремился начать войну⁷ с этолянами.

Гл. 2. (1) В то время как Филипп был занят мыслями об этой войне, к нему приступил с мольбами и просьбами иллирийский царь Деметрий⁸, незадолго перед тем потерпевший поражение от римского консула Павла⁹. (2) Деметрий жаловался¹⁰ на несправедливость римлян, которые не довольствуются пределами Италии, а охваченные бесстыдной надеждой овладеть всем миром, ведут войны против всех царей. (3), Так, помогая власти над Сицилией, Сардинией, Испанией, наконец, над всей Африкой, они начали войну с пунийцами и Ганнибалом. (4) И на него [Деметрия] римляне напали только потому, что его владения граничат с Италией, и как будто находиться около границ их державы никакой другой царь не имеет права. (5) Но и самому [Филиппу] следует опасаться того же: чем более сильной и уважаемой станет его держава, тем более яростными врагами окажутся для него римляне. (6) Сверх того, Деметрий пообещал уступить Филиппу свое государство, которое захватили римляне, так как ему будет гораздо приятнее видеть, что его [достоинством] владеет его союзник, а не его враги¹¹. (7) Такого рода речами Деметрий побудил Филиппа¹², оставив в покое этолян¹³, начать

¹ Птолемей IV Филопатор, правил с 221 по 205 г. до н. э. Ср. P o l y b., II, 71, 3; V, 34, 1; XV, 25, 1 сл. Согласно Полибию, мать и брат Филопатора были убиты придворным Сосибием, а отец умер от болезни.

² Ср. P o l y b., IV, 35, 8—14.

³ После гибели Гасдрубала в Испании (в 221 г. до н. э.) войска избрали вождем Ганнибала. Позже это избрание было подтверждено в Карфагене народным собранием. Ср. P o l y b., II, 36, 1—4; III, 13, 4; A p p., Hisp., 8; L i v., XXI, 3; N e r o s, Hann., 3, 1.

⁴ Ганнибал родился в 247 г. до н. э.

⁵ Ср. T r o g., Prol., 29.

⁶ См. P o l y b., IV, 5, 3.

⁷ Согласно Полибию, в эту так называемую Союзническую войну (220—217 гг. до н. э.) вовлекли Филиппа ахеяне. Против Филиппа и его Эллинского союза выступили этоляне с союзниками — Спартой и Элидой. См. P o l y b., кн. IV, V; F. W. W a l b a n k, Aratos of Sicyon, Cambridge, 1933; он же, Philip V of Macedon, Cambridge, 1940.

⁸ Деметрий был не царем, а «династом» острова Фароса и полководцем на службе иллирийских правителей.

⁹ Деметрий выступал совместно с римлянами во время их первой экспедиции против иллирийцев (229 г. до н. э.), затем сблизился с Македонией и в 219 г. до н. э. был изгнан из Иллирии римлянами.

¹⁰ С § 2—7 ср. P o l y b., V, 101, 6—10; 108, 5—7.

¹¹ Ср. P o l y b., VII, 9, 14.

¹² О мотивах, которыми руководствовался Филипп, см. P o l y b., V, 102 сл.; А. Б. Р а н о в и ч, ук. соч., стр. 251—252.

¹³ Речь идет об окончании Союзнической войны, см. выше, XXIX, 1, 11 и прим.; P o l y b., V, 105, 1—2.

войну с римлянами; он думал, что она доставит ему меньше хлопот, так как он слышал, что римляне уже побеждены Ганнибалом у Тразименского озера. (8) Поэтому, чтобы ему не пришлось одновременно вести несколько войн, Филипп заключил мир с этолянами, как будто вовсе не намереваясь перенести войну в другое место, а якобы заботясь о мире для всей Греции. [Филипп] утверждал¹, что Греции никогда не угрожала такая опасность, [как теперь], (9) так как на Западе возвысились две новые державы — пунийцев и римлян, которых одно только удерживает от нападения на Грецию и Азию — они все еще воюют между собой за господство. Тот, кто победит в этой борьбе, сейчас же двинется на Восток.

Гл. 3. (1) Филипп говорил [также], что видит, как в Италии разрастается туча жестокой и кровопролитной войны; он видит надвигающуюся с Запада грозу, сверкающую молниями и грохочущую громом; куда бы ни занес ее вихрь победы, все осквернит она проливным кровавым дождем. (2) Часто Греция страдала от грозных потрясений во время войн то с персами, то с галлами, то с македонянами, но все это покажется грекам безделицей, когда та сила, что накапливается сейчас в Италии, прорвется за пределы. (3) Он, Филипп, видит, какую жестокую и кровопролитную войну ведут между собой эти два народа, [состязаясь друг с другом] и военными силами и искусством вождей. Это неистовство не может окончиться гибелью одной только противной стороны, сокрушены будут и соседние народы. (4) Правда, Македонии меньше, чем Греции, можно опасаться ярости диких победителей, так как она находится и в большем отдалении [от римлян] и обладает большими силами для защиты. (5) Но он, Филипп, знает, что те, которые [сейчас] состязаются между собой с таким большим напряжением, не удовлетворятся только одной победой, поэтому и ему самому грозит борьба с теми, которые одержат верх. (6) Под этим предлогом Филипп, окончив войну с этолянами, не думал уже ни о чем другом, как о войне между пунийцами и римлянами, и взвешивал силы каждого из этих народов в отдельности. (7) Но и римляне, хотя пунийцы и Ганнибал угрожали им непосредственно, повидимому, все же не были свободны и от страха перед Македонией². (8) Их пугала и давняя слава македонян, покоривших Восток, и сам Филипп, горевший желанием превзойти подвиги Александра, известный им как человек воинственный и деятельный.

Гл. 4. (1) Ввиду всего этого Филипп, как только узнал, что римляне еще раз потерпели поражение от карфагян³, открыто объявил себя врагом римлян и начал строить корабли, чтобы переправить на них войска в Италию⁴. (2) Затем он отправил к Ганнибалу гонца с письмом для заключения союза⁵. (3) Этот посол был перехвачен⁶ и приведен в сенат, но его отпустили, не причинив ему никакого вреда, [конечно] не из уважения к царю Филиппу, а для того, чтобы враг, пока еще колеблющийся, не стал бы врагом уже несомненным. (4) Но спустя некоторое время, когда римляне получили известие, что Филипп намеревается переправить в Италию войска, они отправили претора Левина⁷ с хорошо снаряженными кораблями, чтобы он помешал этой переправе. (5) Левин же, приплыв в Грецию, щедрыми обещаниями побудил этолян начать

¹ С доводами, приписанными здесь Филиппу, ср. речь Агелая у P o l y b., V 104.

² Ср. Z o n a r a s, IX, 15.

³ Битва при Каннах в 216 г. до н. э.

⁴ Начало первой Македонской войны (215—205 г. до н. э.). Ср. P o l y b., V, 108, 4; 109, 1—3; L i v., XXXI, 7, 4.

⁵ О сношениях между Филиппом и Ганнибалом и о посольстве Филиппа см. также L i v., XXIII, 33—34; Z o n a r a s, IX, 4.

⁶ По L i v. (XXIII, 39, 1), часть послов была задержана, часть бежала. После этого Филипп направил новых послов, которые и заключили договор. О содержании договора см. P o l y b., VII, 9; ср. L i v., XXIII, 33, 9 сл.; A r r., Mac., 1; Z o n a r a s, IX, 4.

⁷ M. Valerius Laevinus. Ср. L i v., XXIII, 38, 10 сл.

против Филиппа войну¹; Филипп, в свою очередь, поднял ахейян на войну против римлян². (6) А между тем дарданцы начали опустошать македонские области и увели с собой двадцать тысяч пленников, чем отвлекли Филиппа от войны с римлянами, поставив его перед необходимостью защищать свое царство. (7) Пока происходили эти события, претор Левин заключил союз с царем Атталом³ и стал опустошать Грецию. Пришедшие в смятение от этих бедствий греческие государства стали слать к Филиппу посольство за посольством с просьбами о помощи⁴. (8) Да и иллирийские цари не прекращали своих просьб и неутомимо требовали выполнения обещанного. Кроме того, ограбленные македоняне настаивали на отмщении [дарданцам]. (9) Находясь в таких затруднительных и сложных обстоятельствах, Филипп колебался, против кого выступить раньше. Однако он обещал всем прислать помощь в ближайшие дни, не потому, что он мог это исполнить, но чтобы, преисполнив их надеждами, удержать их в качестве союзников. (10) Первым его походом был, однако, поход против дарданцев, которые, выжидая того времени, когда Филипп будет в отсутствии, угрожали македонянам напасть на них с еще большими вооруженными силами. (11) С римлянами, которые были довольны уже тем, что удалось отсрочить войну с македонянами, он заключил мир⁵. Против вождя ахейян Филопемена⁶ Филипп строил козни, так как узнал, что Филопемени старался перетянуть его союзников на сторону римлян. Но Филопемени узнал об этих кознях и сумел избежать их, а ахейян заставил, пользуясь своим влиянием, отложиться от Филиппа.

КНИГА XXX

Гл. 1. (1) Если Филипп в Македонии стремился к совершению великих дел, то нравы Птолемея в Египте были совсем другие. (2) Власть Птолемей добился отцеубийством и к убийству обоих родителей добавил убийство брата⁷. Потом, как будто успешно совершив некий подвиг, он предался всевозможным излишествам, причем весь его двор стал подражать нравам царя. (3) И не только друзья царские и начальствующие лица, но даже все войско, оставив занятия военным делом, [нравственно] разложилось и обессилело от безделья и праздности. (4) Сирийский царь Антиох⁸, узнав об этом, под влиянием старой вражды между обоими государствами, внезапно начав войну⁹, захватил у Птолемея много городов и напал на самый Египет. (5) Испуганный Птолемей посылал к Антиоху посольство за посольством, чтобы несколько задержать его и тем временем собраться с силами¹⁰. (6) Затем, набрав в Греции большое вой-

¹ Условия договора между римлянами и этолиями (212 г. до н. э.) см. у Liv., XXVI, 24; ср. Polyb., IX, 30, 7; 39,1—3; XI, 5,5; XVIII, 38,7.

² Ср. Polyb., XVI, 38.

³ Аттал I Пергамский присоединился к римско-этолийской коалиции только в 209 г. до н. э., когда Левин был уже (в 210 г. до н. э.) смещен П. Сульпицием Гальбой. См. Liv., XXVII, 29—33.

⁴ Ср. Polyb., X, 41; Liv., XXVIII, 5.

⁵ Мир в Фенике (город в Эшре) в 205 г. до н. э. См. Liv., XXIX, 12.

⁶ Стратег Ахейского союза. Ср. Plut., Philoem., 8, 3; 12, 2; Pa u s., VIII, 50, 4.

⁷ См. выше, XXIX, 1, 5 и прим.

⁸ Антиох III Великий.

⁹ Четвертая Сирийская война (219—216 гг. до н. э. — см. Polyb., V, 58—87) велась из-за обладания Келесирией (южной частью Сирии), доставшейся после битвы при Иссе Птолемею Лагу и ставшей «яблоком раздора» между Лагидами и Селевкидами. См. Polyb., V, 34, 5—6; 67.

¹⁰ Антиох действительно согласился на четырехмесячное перемирие. Ср. Polyb., V, 63, 6; 66, 2.

ско¹, Птолемей дал удачное сражение². Он мог бы отнять у Антиоха его царство, если бы его доблесть пришла на помощь его счастью. (7) Но Птолемей удовлетворился возвращением городов³, которые было потерял, заключил мир и с жадностью ухватился за возможность вернуться к мирной жизни. Утопая в наслаждениях и роскоши, он убил свою жену, приходившуюся ему сестрой, Эвридику⁴, и пленился прелестями гетеры Агафоклеи⁵. (8) Забыв совершенно о величии своего сана и высокого положения, ночи он проводил в разврате, а дни в пирах. (9) Развлечения сопровождалась сладострастной музыкой на таких инструментах, как тимпаны и трещотки, причем царь был не только зрителем, но и устроителем этих безобразий и сам играл усладительные мелодии на струнах. (10) Сперва, однако, это были тайные язвы и скрытые беды разлагавшегося царского двора.

Гл. 2. (1) Но с течением времени распущенность все росла, и дерзость гетеры уже не могла оставаться в пределах дворцовых стен. (2) Ежедневные развратные сношения царя с братом ее Агафоклом, распутным и угодливым красавцем, сделали ее еще более наглой. (3) К Агафоклее и Агафоклу присоединилась их мать Энанфа, забравшая в свои руки царя, совершенно обольщенного прелестями обоих ее детей. (4) Не довольствуясь властью над царем, [эта семейка] захватила власть и над государством: они стали уже показываться в общественных местах, их приветствуют, их сопровождает [свита]. (5) Агафокл, постоянно находившийся при царе, правил государством, а обе женщины распоряжались раздачей должностей трибунов, префектов и военных командиров. И не было человека во всем царстве, который обладал бы меньшей властью, чем сам царь⁶. (6) Но вот Птолемей умер⁷, оставив после себя пятилетнего сына от сестры своей Эвридики⁸; его смерть долго скрывали, а тем временем женщины расхищали царскую казну и, стакнувшись с подонками общества, пытались захватить власть⁹. (7) Когда же весть [о смерти царя] разнеслась, Агафокл был убит сбежавшейся толпой¹⁰ а женщины в отмщение за Эвридику были распяты. (8) Смертью царя и казнью блудниц позор, [тяготевший] над государством, был как бы искуплен, и тогда жители Александрии отправили к римлянам посольство, умоляя их взять на себя опеку над мальчиком и защиту египетского государства, которое, как они говорили, уже поделили между собой по взаимному соглашению Филипп и Антиох¹¹.

¹ Ср. P o l y b., V, 63, 8—64. Юстин не упоминает о новом и весьма важном элементе в войсках Птолемея в битве у Рафии — о местном населении, включенном в фалангу. См. P o l y b., V, 65, 5 и 9; 82, 6; 107, 1—3; а также А. Б. Р а н о в и ч, ук. соч., стр. 121, 213 сл.

² Битва при Рафии в 217 г. до н. э. См. P o l y b., V, 82 слл.

³ Речь идет о городах в Келесирии (P o l y b., V, 87, 3). Селевкия в Пиерии, которая принадлежала Египту и была отнята Антиохом III, так и осталась во владении последнего.

⁴ Согласно П о л и б и ю (V, 83, 3), ее звали Арсиноя. Об обстоятельствах ее смерти см. P o l y b., XV, 25, 2.

⁵ Об Агафоклее и развлечениях при египетском дворе см. P o l y b., V, 34; V, 87, 3; XIV, 11, 5; 12, 3; P l u t., Cleom., 33 слл.

⁶ Ср. Н i e r o n., ad Dan., 11, 13—14; P o l y b., V, 63, 1; XIV, 11; XV, 25.

⁷ 205 г. до н. э.

⁸ Речь идет о Птолемее V Эпифане (правил с 205 по 180 г. до н. э.). Относительно имени его матери см. прим. к XXX, 1, 7.

⁹ Придворная клика во главе с Агафоклом и Сосибием составила подложное завещание Птолемея Филопатора, по которому они назначались опекунами малолетнего царя и регентами государства. См. P o l y b., XV, 25.

¹⁰ См. P o l y b., XV, 33. Речь идет о восстании в Александрии, возглавленном македонским полководцем Тлеполемом (202 г. до н. э.).

¹¹ Ок. 202 г. до н. э. См. P o l y b., III, 2, 8; XV, 20, 1—2; L i v., XXXI, 14, 5; А р р., Mac., 4.

Гл. 3. (1) Римлянам это посольство было как раз на руку: они искали повода к войне с Филиппом¹, который во время Пунической войны строил козни против Рима. (2) К тому же римляне после победы над пунийцами и Ганнибалом не опасались никаким другим военным силам больше, чем [македонских], памятуя, какое волнение произвел в Италии Пирр со своим небольшим македонским отрядом и какие подвиги совершили македоняне на Востоке. (3) Поэтому они направили к Филиппу и Антиоху послов с требованием воздержаться от захвата Египта. (4) В Египет же направили Марка Лепида, поручив ему в качестве опекуна править царством мальчика [-царя]. (5) Пока все это происходило, в Рим прибыли послы царя Аттала и родосцев с жалобами на обиды со стороны Филиппа. Ввиду этих обстоятельств сенат не стал оттягивать далее войну против Македонии. (6) Тотчас же, под предлогом оказания помощи союзникам, было принято решение воевать с Филиппом, и были направлены в Македонию легионы под начальством консула². (7) Спустя недолгое время вся Греция, уверенная [в поддержке] римлян, начала войну против Филиппа³ в надежде на восстановление былой своей свободы. Таким образом, царя стеснили со всех сторон, и он был вынужден просить мира. (8) Затем, когда римляне объявили свои условия мира, то и Аттал, и родосцы, и ахеяне, и этоляне начали требовать обратно то, что было у них захвачено. (9) Филипп возражал на это⁴: он допускает, что его можно принудить подчиниться римлянам, но он считает унижением для себя, чтобы греки, покоренные предками его Филиппом и Александром и подчиненные македонской власти, теперь, точно победители, предписывали ему мирные условия, тогда как им следовало бы скорее дать отчет в выполнении ими долга повиновения, чем требовать свободы. (10) Однако в конце концов по его просьбе ему предоставили двухмесячное перемирие, чтобы добиваться в [римском] сенате мира, о котором в Македонии договориться не удалось.

Гл. 4. (1) В тот же год между островами Ферой и Ферасией на море, разделяющем эти острова, произошло землетрясение, (2) во время которого, к удивлению мореплавателей, из глубины [моря] вместе с кипящими потоками вод внезапно поднялся остров⁵. (3) В тот же день то же самое землетрясение произошло и в Азии, произведя сильные разрушения на Родосе и во многих других государствах, причем некоторые здания были поглощены [землей]. (4) Все были напуганы этим чудом, а прорицатели предсказали⁶, что восходящая римская держава пожрет древние державы, греческую и македонскую. (5) Между тем сенат отклонил мир⁷ с Филиппом, и Филипп привлек к военному союзу [с собой] тирана Набиса⁸. (6) Когда Филипп выстроил свое войско против вражеского строя, он начал ободрять своих солдат⁹, напоминая им о том, что персы, бактрийцы, инды, да и вся Азия до крайних пределов Востока была покорена македонянами. (7) Но эту войну нужно вести с настолько же большим рвением по сравнению с предыдущими войнами, насколько свобода дороже, чем власть [над другими народами]. (8) Римский консул Фламиний¹⁰, со своей стороны, воодушевлял своих [воинов]

¹ Ср. Z o n a r a s, IX, 15.

² Консул — Публий Сульпиций Гальба. Речь идет о Второй Македонской войне (200—197 гг. до н. э.). Ср. § 4—6 ср. L i v., XXXI, 2, 1—4; 3 слл.

³ В этой войне Филипп воевал один, вначале против римлян и их союзников, пергамцев и родосцев, а потом (в 199—198 гг. до н. э.) также против этолян и ахеян.

⁴ Ср. P o l y b., XVIII, 4 слл. L i v., XXXII, 34—36.

⁵ Ср. S t r a b o, I, 3, 16, стр. 57.

⁶ Текст оракула приводит П л у т а р х (Mor., III, 399 с).

⁷ Ср. P o l y b., XVIII, 12, 1.

⁸ Набис, спартанский царь, правил с 207 по 192 г. до н. э. Во время Второй Македонской войны Филипп поручил ему Аргос, но Набис, взяв Аргос, перешел на сторону Рима. Ср. L i v., XXXII, 38—39.

⁹ Ср. L i v., XXXIII, 3, 11—12.

¹⁰ Фламиний был консулом 198 г. до н. э., но его *imperium* было продлено на 197 г. L i v., XXXII, 28, 9). О его речи перед войском см. L i v., XXXIII, 8, 4 сл.

перед сражением, напоминая им о событиях, совсем недавно совершившихся, и указывая, что римская доблесть покорила Карфаген и Сицилию, покорила Италию и Испанию. (9) Даже Ганнибала, ни в чем не уступавшего Александру Великому, они вытеснили из Италии и покорили самую Африку, третью часть всего мира. (10) Не по былой их славе надо судить теперь о македонянах, а по их силам в настоящее время. (11) Ведь сейчас идет война не с Александром Великим, о непобедимости которого всякий слышал, и не с его войском, которое победило весь Восток, (12) а с Филиппом, незрелым юношей, который с трудом защищает от врагов границы своего государства, и с теми самыми македонянами, которых еще недавно грабили дарданцы. (13) Македоняне вспоминают о славных деяниях своих предков, а римляне должны помнить о [деяниях] своих воинов. (14) Ведь и Ганнибал, и пунийцы, а также и весь почти Запад, покорены не иным каким-либо войском, а теми самыми солдатами, которые находятся у него, [Фламинина], в строю. (15) Воины и той и другой стороны, воодушевленные этими речами, сошлись на бой, одни, гордые своей властью над Востоком, другие над Западом; одни несли с собой в бой древнюю, обетшавшую славу своих предков, другие свежую красу своих недавних подвигов. (16) Римское [военное] счастье одержало верх над македонским¹. (17) Филипп потерпел в войне поражение и добился у консула Фламинина мира². Он сохранил царское звание, но потерял все греческие города, бывшие как бы членами [или частями] его царства вне границ его исконных владений, и удержал за собой одну Македонию. (18) Однако этоляне были оскорблены тем, что Македония, вопреки их желанию, не была отнята у царя и передана им в награду за участие в войне³. Они отправили к Антиоху послов, которые, раболепно восхваляя его величие, старались вовлечь его в войну с Римом, [внушая] ему надежду на [помощь] союза всех греческих государств⁴.

КНИГА XXXI

Гл. 1. (1) Когда умер египетский царь Птолемей Филопатор, после него остался малолетний сын⁵, который впоследствии должен был унаследовать престол, а пока он был желанной добычей для приближенных. Сирийский царь Антиох⁶, пренебрежительно относясь к царю-ребенку, решил завладеть Египтом. (2) Поэтому он вторгся в Финикию и в другие государства, [по существу] относившиеся к Сирии, но подвластные Египту⁷. Сенат направил к Антиоху посольство, сообщить ему, чтобы он воздержался от захвата царства мальчика-сироты, отданного под защиту сената по предсмертной просьбе отца⁸. (3) Когда же Антиох пренебрег этим [требованием], то спустя некоторое время к нему явилось другое посольство, которое, уже ничего не упоминая

¹ Битва при Киноскефалах в Фессалии 197 г. до н. э. См. P o l y b., XVII 22—27; P l u t., Flam., 8.

² Об условиях мира ср. P o l y b., XVIII, 39, 5 — 6 (L i v., XXXIII, 13, 13—15); 44 (L i v., XXXIII, 30); P l u t., Flam., 9—10.

³ Ср. P o l y b., XVIII, 36, 7; 38; 45, 1—6; L i v., XXXIII, 11—13; 31, 1—5.

⁴ 193 г. до н. э. Ср. P o l y b., III, 3, 3; L i v., XXXV, 12; A p p., Syr., 12.

⁵ См. выше, XXX, 2, 6 и прим.

⁶ Антиох III Великий. См. выше, XXX, 2, 8.

⁷ Речь идет о Келесирии. См. выше, XXX, 1, 4 и прим. На этот раз (ок. 200—198 гг. до н. э.) попытка оказалась успешной, Келесирия перешла под власть Селевкидов. Ср. P o l y b., XVI, 18 сл.; 22a, 1; 39, 3; A p p., Syr., 1; H i e r o n., ad Dan., XI, 15—16; L i v., XXXIII, 19, 8.

⁸ См. выше, XXX, 2, 8; ср. P o l y b., XVI, 27, 5.

о ребенке-сироте, предъявило такое требование: пусть Антиох восстановит в прежнем положении государства, по праву войны перешедшие под власть римского народа¹. (4) Антиох отверг [это требование], и ему была объявлена война². Эту войну, начатую с необдуманной легкостью, вел он несчастливо. (5) В то же время многие греческие государства были захвачены тираном Набисом.³ (6) Тогда сенат, чтобы римскому войску не пришлось одновременно вести две войны⁴, написал Фламинину, чтобы он — если это окажется, по его мнению, возможным — освободил Грецию от Набиса так же, как [он освободил] от Филиппа⁵. (7) С этой целью Фламинину был продлен срок командования (*impregium*). Войну с Антиохом делало [особенно] страшной имя Ганнибала, которого его завистники⁶ при помощи тайных доносов обвиняли перед римлянами в том, что он вступил с Антиохом в союз. (8) Немыслимо, говорили они, чтобы Ганнибал, так долго бывший полководцем и привыкший к бурной походной жизни, мог жить смиренно, подчиняясь закону; тоскуя от спокойной городской жизни, он-де все время выскидывает поводы к новым войнам. (9) Хотя все это было ложными наветами, но люди, боявшиеся [Ганнибала], верили этому.

Гл. 2. (1) В конце концов сенат, охваченный страхом, направил послом в Африку Гнея Сервилия для наблюдения за действиями Ганнибала⁷. Сервилию было дано секретное поручение, чтобы он, если сможет, убил Ганнибала, использовав для этого его врагов, и освободил, наконец, римский народ от страха перед ненавистным именем. (2) Но это обстоятельство недолго оставалось тайной для Ганнибала⁸, человека, всегда предвидевшего опасности и умевшего избежать их. В счастье он не менее думал о [возможном] несчастье, чем в несчастье о счастье. (3) [Однажды], после того как в течение целого дня он непрерывно находился на глазах у правительственных лиц и римского посла на площади в Карфагене, он под вечер сел на коня и направился в свое пригородное имение на морском берегу. Рабы [Ганнибала] ничего не подозревали, и им было [только] приказано ждать у дверей его возвращения. (4) В имении у Ганнибала был корабль с гребцами, спрятанный в укрытой бухте. В этом же имении была заготовлена огромная денежная сумма, чтобы, когда потребуют этого обстоятельства, ни отсутствие средств передвижения, ни недостаток в деньгах не послужили препятствием к бегству. (5) Отобрав рабов помоложе и присоединив к ним большое количество военнопленных италиков⁹, Ганнибал сел на корабль и направил свой путь к Антиоху. (6) На следующий день [карфагенские] граждане ожидали на форуме своего главу, Ганнибала, бывшего в то время консулом¹⁰. (7) Когда сообщили об его отъезде, все пришли в ужас, такой же, как если бы город [Карфаген] был взят [неприятелем], предчувствуя, что бегство Ганнибала окажется для них гибельным. (8) Римский же

¹ 196 г. до н. э. Ср. P o l y b., [XVIII, 49—50;] L i v., XXXIII, 39—40; A p p., S y r., 2—3; D i o d., XXVIII, 12.

² Война началась к концу 192 г. до н. э. Ср. L i v., XXXV, 41, 1—3.

³ См. выше, прим к XXX, 4, 5.

⁴ Этого боялись римляне и на это надеялся Набис. См. L i v., XXXIV, 33, 13; 37, 5.

⁵ Ср. L i v., XXXIII, 43, 6; 45, 3; XXXIV, 22, 5 (195 г. до н. э.).

⁶ Имеется в виду Ганнон и его сторонники—враги Ганнибала. Ср. ниже, XXXVIII, 4, 6; N e r o s, Hann., 1, 2; L i v., XXX, 20, 3; XXXIII, 46, 7; 47, 3; Z o n a r a s, IX, 18.

⁷ Официальной целью посольства было разрешение спора между Карфагеном и Массиниссой. См. L i v., XXXIII, 47, 7—8. О поручении убить Ганнибала Ливий не упоминает; ср. N e r., Hann., 7, 6.

⁸ Нижеследующее описание бегства Ганнибала (195 г. до н. э.) имеется также у Л и в и я (XXXIII, 47—49).

⁹ Скорее всего речь идет о перебежчиках, которых в Карфагене после Второй Пунической войны было множество. См. L i v., XXXI, 11, 7; ср. XXXII, 23, 9.

¹⁰ Ср. L i v., XXXIII, 46, 3 (praetor); Z o n a r a s, IX, 18; N e r o s, Hann., 7 (rex).

посол, как будто Ганнибал уже начал войну против Италии, тайком возвратился в Рим и сообщил сенату эту ужасную весть.¹

Гл. 3. (1) Между тем в Греции Фламиний заключил союз с некоторыми государствами¹ и в двух непосредственно следовавших друг за другом сражениях покорил тирана Набиса². Принудив его принять весьма тяжелые условия мира, Фламиний оставил его как бы обескровленным³ у власти. (2) Но после того, как была восстановлена греческая свобода⁴, когда гарнизоны были выведены из городов, а римское войско переправлено в Италию, Набис, словно подстрекаемый тем, что [Греция] осталась снова без хозяина, внезапно начал военные действия против многих государств. (3) Ахеяне, испуганные таким оборотом дел, опасаясь, как бы это зло, зародившееся по соседству, не прокралось незаметно к ним самим, постановили вести войну против Набиса⁵ и поставили над собой вождем своего претора Филопемена, человека исключительной энергии. (4) Филопемени проявил в этой войне такую доблесть, что, по общему мнению, его можно было сравнить с римским полководцем Фламинием. (5) В это время Ганнибал прибыл к Антиоху⁶. (6) Приняли его, как дар, ниспосланный богами. С его прибытием царя [Антиоха] охватил такой пыл, что он не столько думал о войне, сколько о тех выгодах, которые принесет ему победа. (7) Однако Ганнибал, которому введомо была римская доблесть, утверждал, что римлян нельзя одолеть нигде, кроме как в Италии⁷. (8) Для этого он требовал сто кораблей и десять тысяч пехотинцев с тысячей всадников, обещая, что с таким войском он возобновит в Италии такую же войну, какую вел раньше, (9) и доставит царю Антиоху, которому не придется даже выступить из Азии, или победу, или выгодный мир с римлянами; (10) ведь и испанцам, страстно желающим [начать] войну [против Рима]⁸, не хватает только вождя; и Италия ему, Ганнибалу, теперь более известна, чем раньше; да и Карфаген не останется в покое, а без промедления предоставит ему себя в союзники.

Гл. 4. (1) Так как царю [Антиоху] эти советы понравились, то в Карфаген послали одного из спутников Ганнибала⁹, чтобы договориться со сторонниками войны [против Рима], сообщить, что Ганнибал придет с войском и что этой воюющей стороне [Антиоху и Ганнибалу] не хватает только мужественной поддержки карфагян; живую же силу и деньги на войну даст Азия. (2) Когда об этом стало известно в Карфагене, враги Ганнибала арестовали гонца. Его привели в сенат, и когда его спросили, к кому [именно] он был послан, гонец с пунийской изворотливостью ответил, что послан ко всему сенату, ибо это дело касается не отдельных лиц, но всех вместе. (3) Пока в течение многих дней раздумывали о том, не отправить ли гонца в Рим для

¹ К Фламинию присоединилось большинство полисов Греции, а также родосцы и пергамский царь Эвмен II. См. *Li v.*, XXXIV, 22 слл.; 26, 11.

² Вернее, имели место три больших сражения: два — у Спарты, и одно — у Гиффия. См. *Li v.*, XXXIV, 28, 11; 29; 38—39 (195 г. до н. э.).

³ Набис должен был сдать прибрежные города Лаконии и Аргос, но сам остался правителем Спарты. См. *Li v.*, XXXIV, 35; *Pl u t.*, *Flam.*, 13.

⁴ В 196 г. до н. э. на истмийских играх Фламиний торжественно провозгласил «свободу» Греции, но в Акрокоринфе, Деметриаде, Халкиде и некоторых других городах римские гарнизоны оставались до 194 г. до н. э. См. *Pl u t.*, *Flam.*, 10; *P o l y b.*, XVIII, 45—46; *L i v.*, XXXIII, 31—32; XXXIV, 50—51.

⁵ Об этой войне ср. *L i v.*, XXXV, 25—30; *Pl u t.*, *Philop.*, 14; *P a u s.*, VIII, 50, 7—9.

⁶ Ганнибал нашел Антиоха в Эфесе (*L i v.*, XXXIII, 49, 7)—195 г. до н. э.

⁷ О планах Ганнибала см. также *L i v.*, XXXIV, 60; *A p p.*, *Syr.*, 7.

⁸ После завоевания римлянами карфагенских владений в Испании во Второй Пунической войне и установления римского провинциального управления (197 г. до н. э.) испанские племена долго боролись за свободу против новых господ. Крупные восстания имели место в 197—195 и в 194—189 гг. до н. э.

⁹ С §1—3 ср. *L i v.*, XXXIV, 61; *A p p.*, *Syr.*, 8; *N e p.*, *Hann.*, 8.

того, чтобы не навлечь на себя подозрения, гонец тайком сел на корабль и возвратился к Ганнибалу. Узнав об этом, карфагеняне, в свою очередь, послали в Рим гонца с доносом. (4) Римляне же отправили послов к Антиоху¹, чтобы те, [выполняя] для вида-посольские поручения, разведали о приготовлениях царя к войне и либо расположили Ганнибала в пользу римлян, либо постоянными беседами с ним сделали его подозрительным и ненавистным Антиоху. (5) Послы, прибыв к Антиоху в Эфес, передали ему поручения сената. (6) Ожидая ответа, они целыми днями безотлучно находились при Ганнибале и говорили ему, что он из-за каких-то опасений напрасно покинул свою родину, в то время как римляне со всей честностью соблюдают мир, который они заключили не столько с его государством, сколько с ним [лично]. (7) Ведь он [Ганнибал] и войны вел не столько из ненависти к римлянам, сколько из любви к своему отечеству, ради которого лучшие люди должны жертвовать даже своей жизнью. Именно такими общественными причинами вызываются войны, а не частными раздорами между вождями. Затем послы восхваляли подвиги Ганнибала. (8) Польщенный такими речами, Ганнибал стал более часто и более охотно беседовать с послами, не замечая, что его сближение с римлянами вызвало к нему ненависть со стороны царя. (9) Ибо Антиох, думая, что эти постоянные разговоры ведут к примирению Ганнибала с римлянами, перестал сообщать ему что бы то ни было, как обыкновенно делал раньше, перестал приглашать его в совет и возненавидел его, как врага и предателя. Это обстоятельство губительно отразилось на всей подготовке к войне, так как полководческое искусство [Ганнибала] осталось без применения. (10) Поручения, данные сенатом послам, заключались в следующем: пусть Антиох не переступает границ Азии, чтобы не поставить римлян перед необходимостью самим вступить в Азию. Антиох пренебрег этим и решил не ждать нападения, а самому начать наступательную войну.

Гл. 5. (1) После того как царь неоднократно созывал совет по вопросу о предстоящей войне в отсутствие Ганнибала, он, говорят, приказал, наконец, позвать к себе и его, не для того, чтобы что-нибудь сделать по его совету, а чтобы не казалось, что он у царя в полном пренебрежении. Опросив всех, царь обратился к нему последнему. (2) Ганнибал это заметил и сказал так²: ему ясно, что его позвали не потому, что у царя нехватает советников, но чтобы добавилось еще одно мнение; однако из ненависти к римлянам и из любви к царю — ведь только у него одного осталось для изгнанника безопасное убежище — он изложит свой план ведения войны. (3) Затем, попросив заранее позволения свободно высказать свое мнение, Ганнибал сказал, что ничего из того, что царю посоветовали и что царь сейчас предпринимает³, он [Ганнибал] не может одобрить. Не нравится ему и то, что местом военных действий избран Греция, тогда как Италия представляет собой более богатую почву [для войны]. (4) Да и [вообще] римлян нельзя победить иначе, как при помощи их же оружия, а Италию нельзя подчинить иначе, как использовав силу италиков, ибо в Италии и люди другие и война иная. (5) В войнах с другими народами самое важное использовать первым выигрыш в пространстве и времени, опустошить поля, захватить некоторые города. А с римлянами, если даже первым захватишь часть их земель, если даже победишь, все равно придется биться даже с пораженными и поверженными. (6) Поэтому, если кто нападает на римлян в самой Италии, сможет их победить их же собственными богатствами, их же силами, их же оружием, что в свое время и удалось сделать ему, Ганнибалу. (7) Тот же, кто оставит в их распоряжении Италию как источник их сил, так же ошибется, как тот, кто захочет повернуть вспять или осушить реку не у самых ее истоков, а там, где скопилась уже огромная масса воды. (8) Этот самый совет, он, Ган-

¹ С изложением в § 4—9 ср. Liv., XXXV, 14; App., Syr., 9—10; Plut., Flam., 21, 3—4. Ср. также Front., I, 8, 7; Nepos, Hann., 2.

² См. речь Ганнибала у Liv., XXXVI, 7; App., Syr., 14; ср. также Liv., XXXIV, 60, 3—6; XXXV, 19.

³ О планах Антиоха и предпринятых им мерах см. Liv., XXXV, 46—47; XXXVI, 5—6.

нибал, уже давал [царю] с глазу на глаз и сам предложил свои услуги, чтобы выполнить этот план. Теперь же он повторяет его перед [царскими] друзьями, присутствующими здесь, чтобы все знали правильный способ ведения войны с римлянам. Вне пределов своей страны они непобедимы, у себя на родине уязвимы. (9) У них скорее можно отобрать их [главный] город, чем господство [над подвластными землями], легче отнять у них Италию, чем провинции. Поэтому-то и галлы их победили и им, Ганнибалом, они были почти что уничтожены. Он ни разу не был побежден, пока не ушел с их территории; но как только он возвратился в Карфаген, с переменой места тотчас изменило ему и военное счастье.

Гл. 6. (1) Против этого мнения выступили из зависти [к Ганнибалу] друзья царя, думая не о пользе дела, но из опасения, как бы Ганнибал не занял при царе первого места, если его совет получит одобрение. (2) Да и Антиоху не столько был неугоден совет, сколько тот, кто его дал, [и он боялся], что слава в случае победы достанется не ему, а Ганнибалу. (3) Поэтому все дело было испорчено разными происками льстецов, и не было предпринято ничего предусмотрительно и разумно. Сам царь всю зиму предавался сластолюбию и каждый день справлял новую свадьбу¹. (4) В противоположность ему, римский консул Ацилий², которому было поручено ведение этой войны, с величайшим тщанием готовил войска, оружие и все необходимое для нее; он укреплял [связи] с союзными государствами, колеблющихся привлекал на свою сторону. Поэтому и исход войны был таков, какова была готовность к ней на той и другой стороне. (5) Когда царь при первой же военной схватке³ увидел, что его войска отступают, он не подал помощи тем, кто находился в затруднительном положении, а оказался сам во главе бегущих и оставил победителям свой богатый лагерь. (6) Пока римляне завялись своей добычей, Антиох в своем бегстве достиг Азии. Теперь он уже раскаивался в том, что пренебрег советами [Ганнибала], снова сделал его своим другом и во всем стал поступать согласно с его мнениями⁴. (7) Между тем пришла весть, что приближается римский полководец Гай Ливий⁵, посланный сенатом для ведения войны на море, с восемьюдесятью кораблями⁶, снабженными рострами. Это обстоятельство пробудило в Антиохе надежду, что ему удастся поправить свои дела. (8) Поэтому, пока еще союзные государства не перешли на сторону врагов, Антиох решился на морское сражение, в надежде, что можно новой славной победой свести на-нет поражение, понесенное в Греции. (9) Командование флотом поручено было Ганнибалу. Но ни азиатские воины не могли сравняться с римским, ни их суда не шли в сравнение с ростральными кораблями; только благодаря искусству начальника флота поражение не было полным⁷. В Рим еще не дошла весть о победе, и по этой причине граждане при выборах консулов были в нерешительности.

Гл. 7. (1) Но кого же лучше было избрать [в консулы] против [такого] полководца, как Ганнибал, чем брата [Сципиона] Африканского, раз уже побеждать пунийцев

¹ Речь идет о зиме 192/191 г. до н. э., после прибытия Антиоха в Грецию. См. *L i v.*, XXXVI, 11; ср. *A p p.*, *S y r.*, 16; *D i o d.*, XXIX, 2.

² Манлий Ацилий Глабрион, консул 191 г. до н. э. См. *L i v.*, XXXV, 24, 5.

³ Битва при Фермопилах (191 г. до н. э.). Ср. *L i v.*, XXXVI, 18—19; *A p p.*, *S y r.*, 17—19; *P l u t.*, *C a t o M a j.*, 13—14; *Z o n a r a s*, IX, 19; *F r o n t.*, II, 4, 4.

⁴ См. *L i v.*, XXXVI, 41, 2. По Л и в и ю (XXXV, 19; ср. XXXVI, 8, 1; 15, 2), Антиох еще до войны помирился с Ганнибалом, хотя и не следовал его советам.

⁵ Гай Ливий Салинатор, претор 191 г. до н. э. См. *L i v.*, XXXVI, 42 слл.

⁶ См. *L i v.*, XXXVI, 42, 8. Однако после того, как к римским кораблям добавились корабли союзников, в том числе и флот Эвмена II Пергамского, общее число кораблей достигло ста пятидесяти пяти. См. *L i v.*, XXXVI, 43, 13.

⁷ Имеется в виду, повидимому, морская битва у мыса Корика в Ионии. См. *L i v.*, XXXVI, 44—45 (191 г. до н. э.). Однако командование флотом Антиоха было поручено не Ганнибалу, а родосцу Поликсенду. Ср. *A p p.*, *S y r.*, 22. Ганнибал потерпел поражение в следующем, 190 г. у побережья Памфилии от родосцев, когда он вел к Антиоху новые морские силы из Ликии и Сирии (*L i v.*, XXXVII, 23—24).

стало делом Сципионов? (2) В консулы избрали поэтому Луция Сципиона, а брат его [Сципион] Африканский был назначен ему в легаты, чтобы Антиох понял, что римляне питают к победителю Сципиону не меньшее доверие, чем [сам Антиох] к побежденному Ганнибалу¹. (3) Когда Сципионы переправили в Азию войско, им сообщили, что война решена уже в двух местах, что Антиох побежден в сухопутном сражении, а Ганнибал в морском². (4) Как только Сципионы прибыли, Антиох направил к ним послов с просьбой о мире³, а в качестве чрезвычайного дара Сципиону Африканскому послы привезли его сына, которого царь захватил, когда тот переправлялся на небольшом корабле. (5) Однако [Сципион] Африканский сказал, что нужно частные благодеяния отделять от общественных дел, одно дело — обязанности отца, другое дело — права отечества, которые нужно предпочитать не только детям, но даже самой жизни. (6) Поэтом он с благодарностью принимает дар и из своих собственных средств постарается отплатить царю за его великодушный поступок. Но что касается войны и мира, то здесь он ни в чем не может уступить из-за личной дружбы и ничем поступиться из того, что по праву принадлежит родине. (7) И действительно, Сципион не вел ранее никаких переговоров о выкупе своего сына и не позволил сенату вести какие-либо переговоры об этом, а сказал, что он возвратит себе сына оружием, как это подобает его достоинству. (8) После этого были установлены условия мира⁴: пусть Антиох уступит Азию⁵ римлянам и удовольствуется одним Сирийским царством. Пусть выдаст все суда, пленных и перебежчиков, а также оплатит римлянам все их расходы, [связанные] с этой войной. (9) Когда об этих условиях сообщили Антиоху, он ответил, что он еще не настолько побежден, чтобы его можно было лишить его царства и что такие предложения — призыв к новой войне, а не к миру.

Гл. 8. (1) И вот, в то время как обе стороны готовились к войне, а римляне уже вступили в Азию и подошли к Илиону, жители Илиона обменялись с римлянами взаимными приветствиями. Жители Илиона говорили, что с их [родины] пришел в Рим Эней, а с ним и другие вожди, а римляне говорили [жителям Илиона], что от них-то они и произошли. (2) Все радовались так, как радуются обыкновенно дети и родители при встрече после долгой разлуки. (3) Жителей Илиона радовало то, что их потомки, покорив Запад и Африку, теперь завоевывают Азию, как свое наследственное царство; они говорили, что счастливым событием было разрушение Трои, раз она возрождается теперь при столь счастливых обстоятельствах. (4) Римляне, в свою очередь, испытывали ненасытное желание увидеть обитель дедовских ларов, колыбель предков своих, храмы и изображения богов. (5) Когда римляне выступили из Илиона, к ним примкнул царь Эвмен с вспомогательным отрядом. Когда спустя короткое время завязалось сражение с Антиохом⁶, (6) то на правом крыле побежал обратно к лагерю римский легион, что было не столько опасно, сколько позорно. Тогда военный трибун Марк Эмилий⁷, оставленный для охраны лагеря, приказал своим солдатам вооружиться, выйти за вал и, обнажив мечи, угрожать бегущим, предупреждая их, что они все равно умрут, если не вернуться в бой, и что их собственный лагерь окажется для них более враждебным, чем вражеский. (7) Легион, потрясенный такой двойной опасностью, возвратился в бой, сопровождаемый соратниками, остановившими его бегство, и жестоким избие-

¹ Ср. Liv., XXXVI, 45,9; XXXVII, 1,7—10; App., Syr., 21.

² См. выше, XXXI, 6, 9 и прим.

³ Ср. Liv., XXXVII, 34—36; App., Syr., 29; Diod., XXIX, 7—8; Polyb., XXI, 13—15; Zonaras, IX, 20. В то время римские войска, уже переправившись через Геллеспонт (Liv., XXXVII, 33,4), находились в Азии (190 г. до н. э.).

⁴ Об этих условиях ср. Liv., XXXVII, 35, 8—10; App., Syr., 29; Polyb., XXI, 14, 7—8. Ссылки на Полибия даны по изданию Loeb'a.

⁵ Речь идет о малой Азии до Тавра.

⁶ Битва при Магнезии осенью 190 г. до н. э. Ср. Liv., XXXVII, 39—44; App., Syr., 30—36.

⁷ Ср. Liv., XXXVII, 43, 1—4.

нием врагов положил начало победе. Врагов было изрублено пятьдесят тысяч, взято в плен одиннадцать тысяч¹. (8) Когда Антиох стал просить о мире, к прежним условиям не добавили никаких новых², ибо, как сказал Сципион Африканский, когда римляне бывают побеждены, они не падают духом, а когда побеждают, не становятся высокомерными. (9) Захваченные города римляне разделили между союзниками³, считая, что римлянам удобнее использовать Азию для награждения других ее богатыми запасами, чем господствовать самим над ее изнеженными народами. Имени народа римского должна принадлежать слава победы, а роскошь и богатство можно предоставить союзникам.

КНИГА XXXII

Гл. 1. (1) Этоляне, которые вовлекли Антиоха в войну с римлянами⁴, остались, когда он был побежден, одни лицом к лицу с римлянами, неравные им по своим силам и лишённые всякой помощи. (2) Спустя короткое время они были побеждены и потеряли свободу⁵, которую они, единственные из всех греческих государств, сохраняли нерушимой во времена господства афинян и спартанцев. (3) Это положение было для них тем более горьким, что оно настало для них позже, [чем для других]. Этоляне вспоминали и о тех временах, когда они своими собственными силами дали отпор полчищам персов⁶, когда во время Дельфийской войны⁷ сломили могучий натиск галлов, повергших в ужас Азию и Италию. Эти воспоминания о былой славе еще увеличивали их жажду свободы. (4) В то же время между мессенянами и ахейцами сначала возникли разногласия из-за первенства, а вскоре началась и война⁸. (5) В этой войне попал в плен знаменитый ахейский полководец Филопемени, но не потому, что он во время боя щадил свою жизнь, а потому, что при переправе через ров, в то время, как он призывал свое войско вернуться в бой, конь сбросил его и тотчас же множество врагов навалилось на него. (6) Его, повергнутого на землю, мессеняне не осмелились убить, то ли из страха перед его доблестью, то ли из уважения к его достоинству. (7) Ликуя так, как будто, взяв в плен его одного, они уже окончили войну, они повели своего пленника как бы в триумфальном шествии через весь город, и навстречу ему высыпал народ, точно к ним прибыл свой, а не вражеский полководец. (8) Сами ахейцы не смотрели в свое время на Филопемени-победителя с таким жадным любопытством, с каким теперь на него, побежденного, смотрели враги. Было отдано приказание привести Филопемени в театр, чтобы все могли увидеть того, кого, как казалось всем, взять в плен было чем-то невероятным. (9) Затем его отвели в тем-

¹ Ср. *L i v.*, XXXVII, 44, 1.

² Предварительные условия мира, предложенные Сципионом Африканским в Сардах, см. у *L i v.*, XXXVII, 45, 11—18 (*P o l y b.*, XXI, 17). Договор с Антиохом, подписанный в 188 г. до н. э. в Апамес, — см. у *L i v.*, XXXVIII, 38 (*P o l y b.*, XXI, 42). Ср. *A p p.*, *Zug.*, 38—39.

³ О распоряжениях римлян по отношению к греческим городам Малой Азии см. *L i v.*, XXXVIII, 39.

⁴ Ср. выше, XXX, 4, 18.

⁵ Об условиях мирного договора см. *L i v.*, XXXVIII, 11 (*P o l y b.*, XXI, 32); *Z o p a r a s*, IX, 21 (189 г. до н. э.).

⁶ В борьбе с персами этоляне участия не принимали.

⁷ См. выше, XXIV, 6—8; XXVIII, 2, 5.

⁸ Ср. *L i v.*, XXXIX, 48, 5—6; *P a u s.*, IV, 29, 11. В 183 г. до н. э. Мессения отпала от Ахейского союза, что и явилось причиной войны. В 191 г. до н. э. Мессения была вынуждена по приказу Фламинина («auctor libertatis!») присоединиться к Ахейскому союзу — см. *L i v.*, XXXVI, 31, 9. Со следующим рассказом о Филопемени (§ 5—9) ср. *L i v.*, XXXIX, 49—50; *P l u t.*, *Philop.*, 18—21; *P a u s.*, IV, 29, 11—12; VIII, 51, 5—7; *P o l y b.*, XXIII, 12, 3.

ницу и из уважения к его величию подали ему яд. Филопмен принял его с радостью, точно одержал победу и, [перед тем как выпить яд], спросил, удалось ли спастись Ликорту, ахейскому полководцу, которого он знал за [человека], второго после себя по знанию военного дела. Когда Филопмен узнал, что Ликорт спасся, он сказал, что не совсем еще плохи дела ахеев, и умер. (10) Вскоре война возобновилась, мессеняне были побеждены¹, и понесли [таким образом] кару за убийство Филопмена.

Гл. 2. (1) Между тем в Сирии [произошло следующее]. Царь Антиох², побежденный римлянами и обремененный тяжелой контрибуцией, может быть по недостатку средств, а может быть по скупости, вообразил, будто необходимость уплаты контрибуции будет для него оправданием, если он совершит святотатство: взяв с собой вооруженный отряд, он ночью напал на храм Юпитера Элимаидского³. (2) Когда это стало известным, его со всем его отрядом убили сбежавшие жители. (3) В Риме, куда прибыли [представители] многих греческих государств с жалобами на незаконные действия македонского царя Филиппа⁴, на заседании сената состоялись прения между Деметрием, сыном Филиппа, которого отец послал в Рим для оправдания [своих действий] перед сенатом, и посланниками греческих государств. Смущенный множеством жалоб, молодой человек внезапно умолк. (4) Тогда сенат, тронутый его кротостью, которая была известна всем еще с того времени, когда Деметрий жил в Риме как заложник⁵, решил дело в его пользу. Итак, своей скромностью Деметрий добился прощения для своего отца, не использовав свое право на защитительную речь, а проявив чувство стыда за отцовские поступки. (5) Это было выражено в самом сенатском постановлении, чтобы ясно было, что царь не столько оправдан, сколько прощен ради сына. (6) [Однако именно] это обстоятельство доставило Деметрию не благодарность за выполненное поручение, а завистливое недоброжелательство. (7) Ибо и у брата Деметрия Персея⁶ зависть породила ненависть к Деметрию⁷, и отца оскорбил повод к оправданию его. Филипп негодовал, что на сенат произвел более сильное впечатление характер его сына, чем авторитет отца и его царственное величие. (8) Поэтому Персей, заметив недовольство отца, стал ежедневно чернить в его глазах отсутствующего Деметрия и сделал Деметрия сначала ненавистным отцу, а затем и подозрительным. Персей то обвинял Деметрия в дружбе с римлянами, то в измене отцу. (9) В конце концов Персей измыслил, будто Деметрий организует против него, Персея, заговор. Для доказательства этого Персей подсылал доносчиков, подучал свидетелей и совершил сам то преступление, в котором обвинял брата, (10) а именно, всем этим он толкнул отца на сыноубийство, которое повергло в глубокое горе весь двор.

Гл. 3. (1) После того как Деметрий был убит, Персей, устранив соперника, стал вести себя по отношению к отцу не только менее почтительно, но даже нахально и держал себя не как наследник престола, а как царь. (2) Филипп был этим оскорблен и каждым днем все горше оплакивал смерть Деметрия. Потом, заподозрив, что он стал жертвой козней, он приказал подвергнуть пыткам доносчиков и свидетелей. (3)

¹ См. Liv., XXXIX, 50, 9; Plut., Philop., 21, 1—2.

² Антиох III Великий.

³ 187 г. до н. э. См. также Diod., XXVIII, 3; XXIX, 15; Strabo, XVI, 1, 18; Hieron., ad Dan., 11, 18.

⁴ С изложением в § 3—5 ср. Liv., XXXIX, 46, 6—48, 1; Polyb., XXII, 14, 9—10; XXIII, 1—3; App., Mac., 7, 4.

⁵ После заключения мира с Римом в 197 г. до н. э. Филипп отослал своего сына Деметрия в Рим в качестве заложника. Позже (191 г. до н. э.), когда Филипп оказал помощь римлянам во время войны с Антиохом, Деметрий был отпущен на родину. Ср. Liv., XXXIII, 13, 14; XXXVI, 35, 13 (Polyb., XVIII, 39, 5; XXI, 3, 3).

⁶ Персей был сводным братом Деметрия (Liv., XXXIX, 53, 3).

⁷ Об интригах Персея и убийстве Деметрия (183—181 гг. до н. э.) см. Liv., XXXIX, 53; XL, 5—16; 20—24; Zonaras, IX, 22; Polyb., XXIII, 3, 4—9; 7.

Узнав о коварном обмане [Персея], Филипп не меньше терзался мыслью о преступлении Персея, чем о смерти неповинного Деметрия, и непременно отомстил бы Персею, если бы не помешала ему смерть; (4) он скончался¹ спустя короткое время, заболев с горя. Он оставил после себя много военного снаряжения, [заготовленного для войны] против римлян, которым впоследствии воспользовался Персей. (5) Между прочим, Филипп и галлов-скордисков склонил вступить с ним в союз для ведения этой войны, и если бы он не умер, то тяжелую войну навязал бы он римлянам. (6) Дело в том, что галлы, после того как они неудачно вели с Дельфами войну, в которой им больше дало почувствовать свою силу божество, чем враги, потеряв вождя своего Бренна, бежали, [точно] изгнанники, частью в Азию, частью во Фракию². (7) Отсюда теми же путями, по каким пришли, они возвратились на исконную свою родину. (8) Но какой-то из их отрядов осел у слияния Дуная и Савы и назвал себя скордисками. (9) А тектосаги³, когда возвратились в Толозу, на исконную свою родину, были поражены пагубной заразной болезнью и избавились от нее только тогда, когда, повинуясь советам гада-телей, погрузили в Толозское озеро золото и серебро, добытое войнами и святотатством. (10) Спустя много времени это золото и серебро достал оттуда римский консул Цеппон. Серебра было там сто десять тысяч, а золота пятьсот тысяч фунтов⁴. (11) Этот святотатственный поступок впоследствии был причиной гибели Цепиона и его войска⁵. Да и римлян постигла война с кимврами, как отмщение за [это присвоение] священного достояния. (12) Из племени тектосагов многие, привлеченные надеждой на добычу, возвратились в Иллирик и, ограбив остров, поселились в Паннонии. (13) Существует предание, что племя истров ведет свой род от колхоз, которых царь Аэт послал в погону за аргонавтами, похитителями его дочери. (14) Эти колхи из Понта вошли в Истр и поднялись далеко вверх по руслу реки Савы; следуя по стопам аргонатов, они перенесли свои суда через горные хребты на плечах до берега Адриатического моря, после того как узнали, что аргонаты до них сделали то же самое вследствие того, что корабль их был очень велик. (15) Так как колхи не разыскали аргонатов, уже уплывших далее, они либо из страха перед царем, или потому, что им надоело долгое плавание, поселились около Аквилей и были названы истрами по имени реки, по которой ониплыли от моря. (16) Даки же потомки гетов. Когда они при царе Ороле несчастливо сражались с бастарнами, царь в наказание за трусость заставил их, ложась спать, класть Голову на то место, куда обычно кладут ноги, и прислуживать своим женам так, как до того им прислуживали жены. И это было отменено не раньше, чем они доблестью смыли бесчестье, которым они запятнали себя на войне.

Гл. 4. (1) Итак, когда Персей наследовал власть отца своего Филиппа⁶, он стал склонять все эти племена к военному союзу против римлян. (2) Между тем началась война между Эвменом⁷ и царем Прусием⁸, к которому бежал Ганнибал, после того как римляне даровали мир Антиоху. Войну⁹ эту первым начал Прусий, он нарушил союзный договор, полагаясь на [военный гений] Ганнибала. (3) Так как римляне, среди других условий мирного договора, потребовали от Антиоха выдачи Ганнибала, то Ганнибал, будучи предупрежден царем, бежал и перебрался на Крит¹⁰. (4) Долгое время он

¹ 179 г. до н. э. (L i v., XL, 54—56).

² См. выше XXIV, 6—8; XXV, 2.

³ Галльское племя, также принимавшее участие в Дельфийской войне. Ср. S t r a b o, IV, 1, 13, стр. 187—188.

⁴ Ср. S t r a b o, ук. место.

⁵ Имеется в виду поражение, которое потерпел Цеппон в 105 г. до н. э. от кимвров. Ср. L i v., E p i t., 67; E u t r o p., V, 1, 1; O r o s., V, 16, 1—7.

⁶ Персей правил со 179 по 168 г. до н. э.

⁷ Эвмен II, пергамский царь (197—159 гг. до н. э.).

⁸ Прусий, вифинский царь (приблизительно 228—180 гг. до н. э.).

⁹ Война велась ок. 186—184 гг. до н. э. См. L i v., XXXIX, 46, 9; N e r o s, Hann., 10.

¹⁰ С § 3—5 ср. N e r o s, Hann., 9; P l u t., Flam., 20, 2; S t r a b o, XII, 4, 3, Стр. 564.

жил здесь спокойно. Но заметив, что критяне завидуют его чрезмерному богатству, он, наполнив амфоры свинцом, поместил их на хранение в храм Дианы, как бы отдавая под ее защиту свое достояние. (5) После этого критяне перестали следить за ним, думая, что богатства Ганнибала находятся, как залог, в их руках. Тогда Ганнибал поспешил уехать к Прусию, залив свое золото внутрь статуй, которые [всегда] возил с собой, чтобы за богатства, которые каждому бросались в глаза, ему не пришлось заплатить своей жизнью. (6) Затем, после того как Прусий был побежден Эвменом в войне на суше, он перенес войну на море. Ганнибал доставил ему победу неслыханной выдумкой¹. А именно, он приказал поместить в глиняные сосуды всевозможных змей и в середине сражения забросил эти сосуды на вражеские суда. (7) Сначала понтийцам² показалось смешным, что [их враги] не могут воевать железом, а сражаются глиняными горшками. Когда же корабли их наполнились змеями и опасность стала грозить им с двух сторон, они уступили победу врагу. (8) После того как об этом было сообщено в Рим, сенат отправил посольство³ с целью принудить к миру обеих царей и потребовать [у Прусия] выдачи Ганнибала. Ганнибал, узнав об этом, принял яд и смертью своей опередил посольство. (9) Этот год⁴ памятен смертью трех величайших во всем мире полководцев: Ганнибала, Филопемена и Сципиона Африканского. (10) Из них о Ганнибале известно⁵, что даже тогда, когда вся Италия содрогалась от грома войны с римлянами, и тогда, когда он, возвратясь на родину, владел верховной властью в Карфагене, он ни разу не обедал лежа, никогда не выпивал больше сектария вина; (11) а целомудрие его среди множества его пленниц было столь велико, что никто не поверил бы, что он рожден в Африке. (12) Справедливость Ганнибала была такова, что хотя он стоял во главе разноплеменного войска, против него никогда его воины не устраивали заговоров, никогда не грозило ему предательство, несмотря на то, что враги часто пытались добиться и того и другого⁶.

КНИГА XXXIII

Гл. 1. (1) Хотя римляне вели Македонскую войну с меньшим напряжением сил, чем Пуническую, но она принесла им настолько же больше славы, насколько македоняне были знаменитее пунийцев; за них говорила слава покорения ими Востока, им оказывали помощь все цари⁷. (2) Поэтому римляне и легионов набрали больше и звали вспомогательные отряды от нумидийского царя Массиниссы и других союзников.

¹ Ср. *Neros*, *Hann.*, 10—11; *Front.*, IV, 7, 10—11.

² Юстин, очевидно, по ошибке, называет солдат Эвмена понтийцами, а не пергамцами. Ср. выше, XXVII, 3, 1.

³ О посольстве Фламинина к Прусию и смерти Ганнибала см. *Liv.*, XXXIX, 51, 56, 7; *Neros*, *Hann.*, 12; *Zonaras*, IX, 21; *Val. Max.*, IX, 2, ext. 2; *App.*, *Syr.*, 11; *Plut.*, *Fam.*, 20; *Paus.*, VIII, 11, 11.

⁴ Ср. *Neros*, *Hann.*, 13 (ссылка на Аттика и Полибия); *Liv.*, XXXIX, 50, 10—11 (183 г. до н. э.).

⁵ Ср. характеристику Ганнибала у *Ливия* (XXIII, 4).

⁶ Ср. *Plut.*, XI, 19, 3; XXIII, 13.

⁷ Эти слова Юстина в искаженной форме отражают мысль, выраженную, возможно, впервые Полибием, дошедшую до нас в изложении *Ливия* (XLII, 29). *Ливий* говорит о том, как относились к этой войне различные правители того времени — Эвмен II Пергамский; Прусий II Вифинский, Ариарат IV Каппадокийский, Антиох IV Эпифан, Птолемей IV Филометор, Массинисса Нумидийский, Гентий Иллирийский, Котис Фракийский. Из них большинство выжидало исхода войны, только последние два оказали помощь Персею. На римской стороне сражались войска Эвмена, Массиниссы, Ахейского союза и Родоса. См. также *Liv.*, XLII, 52.

Вифинскому¹ царю Эвмену было также предписано, чтобы он помогал в этой войне всеми своими силами. (3) У Персея, помимо македонского войска, пользовавшегося славою непобедимости, были на десять лет заготовлены средства для ведения войны², накопленные еще его отцом и сложенные в сокровищницах и житницах. Возгордившись всем этим и забыв об участи своего отца, он увещевал свои войска не забывать о бывшей славе Александра. (4) Сначала произошло конное сражение³, в котором Персей победил и заслужил расположение тех, кто до этого времени еще держался выжидательно. (5) Однако он отправил к консулу послов просить римлян о мире, который они некогда даровали его отцу, даже победив его, и выразил готовность взять на себя военные расходы, как если бы он потерпел поражение. Но консул Публий Лициний предложил ему условия не менее тяжелые, чем побежденному⁴. (6) Пока происходили эти события, римляне из страха перед столь опасной войной выбрали в консулы Эмплия Павла и поручили ему, в виде исключения из обычного порядка (*extra ordinem*)⁵, вести войну в Македонии. Когда Эмилиий прибыл к войску, он не стал надолго откладывать сражение. (7) Накануне сражения⁶ ночью произошло лунное затмение. Все полагали, что это явление было для Персея зловещим знамением и предсказывали, что оно предвещает конец Македонского царства.

Гл. 2. (1) В этой битве⁷ Марк Катон, сын оратора, который с необыкновенной храбростью сражался в самой гуще врагов, упал с коня и бросился в бой пешим⁸. (2) Когда он упал, его окружил с устрашающими криками манипул врагов, чтобы прикончить его, лежащего. Но Катон быстро вскочил на ноги и разгромил нападавших. (3) Со всех сторон налетели враги, чтобы одолеть его одного. Катон напал на одного из командиров, но у него вырвался из руки меч и упал в самую середину вражеской когорты. (4) Чтобы поднять его [с земли], Катон закрылся щитом и на глазах того и другого войска бросился вперед между обнаженными мечами врагов, поднял свой меч и, весь израненный, сопровождаемый кликами со всех сторон, возвратился к своим. Остальные, подражая его отваге, одержали победу. (5) Царь Персей бежал в Самофракию, захватив с собой десять тысяч талантов⁹. В погоню за ним консул послал Гнея Октавия, который захватил его в плен с двумя сыновьями, Александром и Филиппом, и привел пленников к консулу. (6) В Македонии от Карана, первого македонского царя¹⁰, до Персея было тридцать царей. Под царской властью она находилась девятьсот двадцать четыре года, но господствующее положение в Элладе занимала только в течение ста пятидесяти двух лет¹¹. (7) Когда же она подпала под власть римлян, то после того,

¹ Эвмен — царь пергамский, а не вифинский. Та же ошибка встречается выше, XXVII, 3, 1; ср. XXXII, 4, 7.

² Ср. *L i v.*, XLII, 52—53.

³ Битва при Сикурии в Фессалии в 171 г. до н. э. Ср. *L i v.*, XLII, 57—59.

⁴ Ср. *P o l y b.*, XXVII, 8; *L i v.*, XLII, 62.

⁵ См. *P l u t.*, *Aem. Paul.*, 10, 5. Ср. *L i v.*, XLIV, 17, согласно которому, Эмплий Павел получил назначение обычным путем, т. е. по жребию.

⁶ Затмение произошло в ночь с 21 на 22 июня 168 г. до н. э. Ср. *L i v.*, XLIV, 37, 5—13; *P o l y b.*, XXIX, 16; *C i c.*, *Resp.*, I, 15; *V a l. M a x.*, VIII, 11, 1; *P l i n.*, *N. h.*, II, 9, 1; *F r o n t.*, I, 12, 8; *Z o n a r a s*, IX, 23; *P l u t.*, *Aem. Paul.*, 17.

⁷ Битва при Пидне в Македонии 22 июня 168 г. до н. э. См. *L i v.*, XLIV, 40—42; *P o l y b.*, XXIX, 17—18; *P l u t.*, *Aem. Paul.*, 18—22; *V e l. P a t.*, I, 9, 4; *F r o n t.*, II, 3, 20; *Z o n a r a s*, IX, 23.

⁸ Этот эпизод с Катонем (§ 1—4) передают по-разному также *P l u t.*, *Aem. Paul.*, 21; *S a t o M a j.*, 20, 10—11; *F r o n t.*, IV, 5, 17; *V a l. M a x.*, III, 2, 16.

⁹ Ливий говорит о 2000 талантов (XLIV, 45). Ср. *Z o n a r a s*, IX, 23.

¹⁰ Ср. выше, VII, 1, 7 и прим. Л и в и й (XLV, 9, 3) насчитывает в Македонии до Персея 19 царей.

¹¹ Ср. *L i v.*, XLV, 9, 7—150 лет. Считая со смерти Александра — 155 лет. Цифра 150 восходит, может быть, к тому месту у П о л и б и я (XXIX, 21, 9), где историк приво-

как в отдельных городах были установлены магистраты, она была сделана свободной¹. От Павла она получила законы, которыми управляется до сих пор². (8) Те члены сенатов всех этолийских городов, на преданность которых еще нельзя было положиться³, были отправлены с женами и детьми в Рим, и их долго держали там, опасаясь, что они что-нибудь затеют у себя на родине. В течение многих лет посольства от [греческих] городов досаждали сенату просьбами об их освобождении, и, [наконец], все были отпущены каждый на свою родину⁴.

КНИГА XXXIV

Гл. 1. (1) После того как пунийцы и македоняне были покорены, а этоляне ослаблены захватом в плен их руководителей, римлянам казалось, что в то время из всех греков одни лишь ахеяне сильнее, чем следует, и не потому, чтобы отдельные их города были слишком богаты, но оттого, что все они держались друг за друга. (2) Дело в том, что ахеяне, хотя их отдельные города и представляют собой как бы отдельные члены, однако, подчиняясь общему руководству, являются единым целым; когда опасность угрожает одному какому-либо городу, они предотвращают ее общими силами. (3) В то время, как римляне выскигали повод к войне, судьба как раз кстати оказала им услугу в виде жалобы спартанцев, земли которых ахеяне опустошали вследствие взаимной [между этими народами] ненависти⁵. (4) Сенат дал такой ответ спартанцам: он намерен отправить в Грецию послов, чтобы [на месте] ознакомиться, в каком положении находятся его союзники, и воспрепятствовать несправедливости. (5) Послам же было дано тайное приказание распустить Ахейский союз, сделать отдельные города независимыми друг от друга, чтобы тем легче было привести их к покорности, а если какие-либо города выкажут строптивость, то сломить их сопротивление⁶. (6) Поэтому послы вызвали в Коринф представителей из всех городских общин, прочитали им сенатский декрет и изложили решение сената. (7) В их общих интересах, сказали послы, чтобы каждый полис пользовался своими собственными правами и законами. (8) Когда об этом стало известно всем, ахеяне, точно впад в безумие, перебили всех иностранцев⁷. (9) Они совершили бы насилие и над послами, если бы те, узнав о мятеже, не бежали в страхе⁸.

Гл. 2. (1) Когда весть об этом дошла до Рима, сенат тотчас поручил вести войну против ахеян консулу Муммию⁹, который немедленно переправил войско, все тщательно заранее обдумал и предоставил врагам удобный случай завязать сражение;

дит предсказание Деметрия Фалернского (жил ок. 354—283 гг. до н. э.) о будущей гибели македонской державы: «Предсказание это мне кажется скорее божественного, чем человеческого характера; ведь событие было верно предсказано почти сто пятьдесят лет до того, как оно сбылось».

¹ Фактически Македония стала вполне зависимой от Рима. Ср. *L i v.*, XLV, 18, 29, 30; *D i o d.*, XXXI, 8, 1—9; *P l u t.*, *Aem. Paul.*, 28,6 (167 г. до н. э.).

² В 146 г. до н. э. Македония была включена вместе с Эпиром и Фессалией в новую римскую провинцию.

³ Здесь скорее имеются в виду не только этоляне, а прежде всего ахеяне, которых числом более тысячи увели в Рим обвиненными доносчиком Калликратом в оказании помощи Персею. См. *L i v.*, XLV, 31; *P a u s.*, VII, 10, 7—12.

⁴ Ср. *P a u s.*, VII, 10, 12; *P o l y b.*, III, 5, 4; XXXV, 6; *P l u t.*, *Cato Maj.*, 9, 2.

⁵ См. *P a u s.*, VII, 12, 3—9; 13. Спарта в это время была членом Ахейского союза.

⁶ В одних рукописях *frangerentur*, в других — *traicerentur*.

⁷ Подразумеваются спартанцы, находившиеся в это время в Коринфе.

⁸ 147 г. до н. э. Ср. *P a u s.*, VII, 14; *F l o r.*, II, 16, 2; *L i v.*, *Epit.*, LI.

⁹ Луций Мумий — консул 146 г. до н. э. Однако еще до того, как он принял командование в Греции, его предшественник, претор Квинт Цецилий Метелл нанес ряд поражений ахеянам. Ср. *P a u s.*, VII, 15; *L i v.*, *Epit.*, LII; *F l o r.*, II, 16.

(2) ахеяне же держали себя так, как будто война с римлянами совсем пустячное дело, до такой степени небрежно и распущено было у них поставлено все дело. (3) Так, они думали не о сражении, а о добыче и, везли за собой повозки, на которых собирались увезти доспехи убитых врагов. Своих жен и детей они разместили на горах, чтобы те любовались на сражение. (4) Когда же сражение¹ завязалось, они были перебиты на глазах своих близких, оставив в их памяти это печальное зрелище и тяжелую скорбь, (5) а жены их и дети из зрителей стали пленниками и достались в добычу врагам. (6) Сам город Коринф был разрушен², все его население продано в рабство, чтобы этот пример внушил страх прочим государствам и удержал их от восстаний. (7) Пока все это происходило, сирийский царь Антиох³ и начал войну⁴ против сына старшей своей сестры — египетского царя Птолемея⁵. Птолемей настолько был бездеятелен и ослаблен ежедневными излишествами, что не только перестал исполнять обязанности, присущие царскому сану⁶, но от чрезмерного ожирения⁷ лишился даже и рассудка человеческого. (8) Свергнутый с престола⁸, он бежал к младшему своему брату Птолемею⁹ в Александрию. Он разделил с ним царскую власть, и оба брата послали доверенных лиц в римский сенат. Они просили помощи¹⁰, умоляли сенат о выполнении союзного договора. Сенат был тронут просьбами братьев.

Гл. 3. (1) Поэтому к Антиоху отправили в качестве посла Попилия, чтобы тот потребовал от Антиоха не вступать в Египет, а если он уже вступил в него, то уйти обратно. (2) Попилий застал Антиоха [уже] в Египте, и [при встрече] Антиох хотел поцеловать Попилия, ибо Антиох, живя заложником в Риме¹¹, уважал Попилия, как и многих других римлян, но Попилий велел Антиоху¹² оставить пока в стороне личную дружбу, так как ей препятствует поручение, данное Попилию родиной. (3) Затем Попилий достал декрет сената и передал его Антиоху; когда же он увидел, что царь медлит с ответом и обращается за советом к своим друзьям, то он тростью, которую дер-

¹ Битва при Левкопестре у Истма в 146 г. до н. э. См. P a u s., VII, 16, 2—3.

² Коринф был разрушен в том же 146 г. до н. э. (P a u s., VII, 16,8).

³ Антиох IV Эпифан, правил со 175 по 163 г. до н. э.

⁴ Шестая Сирийская война 170—168 гг. до н. э.

⁵ Птолемей VI Филометор, правил со 180 по 145 г. до н. э.

⁶ Власть фактически находилась в руках придворных Эвлея и Ленея. См. P o l y b., XXVIII, 20.

⁷ Эта характеристика внешности относится скорее к упомянутому в следующем параграфе младшему брату Птолемея Филометора — Птолемею, которому дали прозвище «Фискон» (толстобрюхий).

⁸ Птолемей VI был свергнут после поражения, нанесенного ему Антиохом в битве при Пелузии. Ср. D i o d., XXX, 14 слл.

⁹ Птолемей VII Эвергет II, правил в Египте вместе с Птолемеем Филометором со 170 по 164 г. до н. э., в Кирене — со 163 по 145 г. до н. э., снова в Египте — со 145—116 г. до н. э.

¹⁰ Согласно Л и в и ю (XLIV, 19), сначала младший брат отправил послов в Рим за помощью против Антиоха, который тогда держал в своих руках в Мемфисе уже побежденного Филометора. Последний позднее переправился к своему брату в Александрию (L i v., XLV, 11)—168 г. до н. э.

¹¹ После битвы при Магнезии Антиох был отправлен заложником в Рим, пробыв там со 189 по 175 г. до н. э. Затем вместо него в качестве заложника был отправлен его племянник, сын Селевка IV, — Деметрий. Ср. A r p., Syr., 39, 45; L i v., XLI, 24; XLII, 6, 9.

¹² Ср. L i v., XLV, 12; V e l l. P a t., I, 10; P o l y b., XXIX, 27; V a l. M a x., VI, 4, 3; ср. S i c., Philipp., VIII, 8. Гай Попилий Ленат был отправлен послом к Антиоху в 168 г. до н. э., вскоре после того, как римляне одержали победу при Пидне. Последнее обстоятельство, по мнению Полибия (ук. место), объясняло уступчивость Антиоха.

жал в руке, начертил на земле большой круг и замкнул в него и царя и его друзей, приказав им обменяться мнениями и не выходить из круга, пока Антиох не даст сенату ответ, будет ли у него с римлянами война или мир. (4) Эта суровость до такой степени поразила царя, что он заявил о своем повиновении сенату. (5) Возвратившись в свое царство, Антиох скончался¹, оставив малолетнего сына². (6) Ему были назначены народом опскуны. Деметрий, дядя его по отцу³, живший в Риме в качестве заложника, узнав о смерти брата своего, обратился к сенату с такой просьбой: он приехал в Рим как заложник, когда был жив брат его Антиох⁴; теперь же, когда брат его умер, он не знает, за кого же он является заложником. (7) Поэтому справедливость требует, чтобы его отпустили [на родину] добиваться царского престола. Так же, как ранее он, согласно международному праву, отдал престол старшему брату, так теперь быть царем следует ему, так как он старше этого малютки. (8) Когда Деметрий понял, что сенат его не отпустит и, не высказывая этого открыто, держится того мнения, что сирийское государство меньше доставит хлопот под властью ребенка, чем под властью Деметрия⁵, Деметрий выехал из Рима, якобы на охоту, и тайно вместе со своими сотоварищами по бегству сел в Остин на корабль. (9) В Сирии он был всеми встречен очень благосклонно. Ему была передана царская власть, а мальчик и его опекун были убиты⁶.

Гл. 4. (1) Почти в то же самое время вифинский царь Прусий⁷ задумал убить своего сына Никомеда, который был им послан в Рим, так как Прусий заботился о младших своих сыновьях, прижитых им от мачехи [Никомеда]. (2) Но те, кто взяли на себя совершение этого преступления, выдали юноше этот план и стали склонять Никомеда к тому, чтобы он предупредил отцовское коварство, будучи вынужден к этому жестокостью отца, и обратил преступный замысел против того, у кого он возник. Убедить Никомеда было нетрудно. (3) Он тайно возвратился в отцовское царство и тотчас же был провозглашен царем⁸. (4) Прусий, лишенный престола сыном, стал жить как частный человек, и даже рабы его покинули. (5) Он жил, скрываясь от всех, но был убит своим сыном, что было не меньшим преступлением, чем его собственное распоряжение убить сына.

КНИГА XXXV

Гл. 1. (1) После того как Деметрий захватил Сирийское государство, он, полагая, что для его молодой еще власти мир опасен, решил увеличить свои владения и умножить свои богатства путем войн с соседями. (2) Враждебно относясь к Ариарату⁹, царю Каппадокии, за то, что тот отверг брак с сестрой Деметрия¹⁰, Деметрий привял к себе его

¹ 163 г. до н. э. См. P o l y b., XXXI, 9; A p p., Syr., 46.

² Антиох V Евпатор, которому было в это время девять лет. За него правил (163—162 гг. до н. э.) регент Лисий.

³ Деметрий был не дядей, а двоюродным братом Антиоха V.

⁴ См. выше. прим. к XXXIV, 3, 2. Антиох IV был не братом, а дядей Деметрия.

⁵ Ср. P o l y b., XXXI, 11 слд.; A p p., Syr., 46. Полибий сам способствовал бегству Деметрия из Рима.

⁶ Ср. I o s e p h., Ant., XII, 389; I Macc., 7, 2—4; L i v., Epit., XLVI; A p p., Syr., 47. 162 г. до н. э. В большинстве рукописей стоит: occiso pupillo a tutoribus, т. е. «мальчик был убит опекунами». Ac tutoribus. — конъектура Шефера. В действительности вместе с Антиохом V Евпатором был убит и регент Лисий. Деметрий I Сотер правил со 162 по 150 гг. до н. э.

⁷ Прусий II, правил ок. 180—149 гг. до н. э. С нижеследующим рассказом ср. A p p., Mithr., 4—7; ср. D i o d., XXXII, 21.

⁸ Никомед II Эпифан, правил со 149 по 91 г. до н. э.

⁹ Ариарат V Филопатор (163—130 гг. до н. э.).

¹⁰ Ариарат был вынужден отказаться от союза с Деметрием и от брака с сестрой последнего по настоянию Рима. См. D i o d., XXXI, 28.

брата Ороферна, законно свергнутого с престола Ариаратом. Деметрий был рад благовидному предлогу к войне с Ариаратом и решил вернуть Ороферну престол. (3) Однако неблагодарный Ороферн вступил в соглашение с антиохийцами, которые были тогда враждебно настроены против Деметрия, и задумал свергнуть с престола того, кто хотел вернуть ему самому престол¹. (4) Деметрий, узнав об этом, сохранил Ороферну жизнь с тем, чтобы Ариарат жил под страхом войны, грозящей ему со стороны брата. Однако [в то же время] приказал схватить его и держать закованным под стражей в Селевкии. (5) Но антиохийцы, не испугавшись вестей о случившемся, все же отложились от Деметрия. (6) Когда же Деметрий начал против них войну, они с помощью египетского царя Птолемея², царя Азии Аттала³ и царя Каппадокии Ариарата подучили некоего Баласа⁴, молодого человека самого низкого происхождения⁵, чтобы он оружием добивался сирийского престола, якобы принадлежавшего его отцу. (7) Чтобы доверить это надругательство, они дали Баласу имя Александр и объявили, что он сын царя Антиоха. (8) Все до такой степени ненавидели Деметрия, что его сопернику предоставили с общего согласия не только царские полномочия (*vires regiae*), но и признали его [якобы] благородное происхождение. (9) Александр, после столь удивительной перемены обстоятельств, забыв о своем прежнем ничтожестве и поддерживаемый [военными] силами почти всего Востока, начал войну против Деметрия и у побежденного отнял и жизнь и престол. (10) Но и у Деметрия не было недостатка в мужестве, когда он отражал нападение. Ибо в первом сражении он обратил врагов в бегство, а когда цари снова начали войну, он много тысяч уничтожил в бою (11) и, наконец, пал, непреклонный духом, доблестно сражаясь в самой гуще боя.

Гл. 2. (1) В начале войны Деметрий поручил заботам своего проксена Книдия двоих сыновей, снабдив их большим количеством золота, с тем, чтобы сыновья его избежали опасностей войны, а если судьба обратится против него самого, могли бы отомстить за отца. (2) Старший из них, [тоже] Деметрий⁶, когда вышел из отроческих лет, узнал, что Александр впал в разврат⁷. Нежданно выпавшее на его долю богатство и присвоенное им себе чужое достоинство как бы держали его пленником во дворце, в праздности, среди толп развратниц. С помощью критян Деметрий⁸ напал на беспечного Александра, не опасавшегося никаких враждебных действий. (3) На сторону Деметрия перешли и антиохийцы, вознамерившись новыми заслугами загладить свою прежнюю вражду к его отцу. Кроме того, воины, служившие отцу Деметрия, воспы-

¹ Ср. *Diod.*, XXXI, 32; *Polub.*, III, 5, 2; XXXIII, 11, 10. Согласно Полибию и Диодору, Ороферн с помощью Деметрия добился престола Каппадокии, но ненадолго.

² Птолемей VI Филометор.

³ Аттал II Пергамский, правил со 160 по 138 г. до н. э. См. *Polub.*, III, 5, 3; *Joseph.*, *Ant.*, XII, 58 сл.; *I Mass.*, 10, 48—50. Согласно Полибию, Аттал помог Ариарату свергнуть Ороферна с престола Каппадокии.

⁴ В рукописях имя Баласа не упоминается, вместо этого: *ppola*, *propoalant*, *propalam* и т. д. Конъектура *Heinsius*: *a: pro eo Balam*; *I e e p' a: propalam Balam*. Ср. *Joseph.*, *Ant.*, XIII, 119; *Strabo*, XIII, 4, 2, стр. 624. Балас правил в 150—145 гг. до н. э.

⁵ Ср. *Diod.*, XXXI, 32a, *Liv.*, *Epit.*, LII; *App.*, *Syr.*, 67, 70; *Athen.*, V, 211. В *I Mass.*, 10 сл.; *Joseph.*, *Ant.*, XIII; *Strabo*, ук. место, говорится о нем, как о настоящем Селевкиде.

⁶ Будущий Деметрий II Никатор, правил в 145—141 гг. до н. э. и в 129—126 гг. до н. э.

⁷ Ср. *Liv.*, *Epit.*, I.

⁸ 147 г. до н. э. Ср. *I Mass.*, 10, 67 сл.; *Joseph.*, *Ant.*, XIII, 86 сл.

лали любовью к юноше, решили соблюсти святость старой присяги, а не терпеть надменность нового царя, и перешли на сторону Деметрия¹. (4) Так Александр, таким же неожиданным поворотом судьбы ниспровергнутый, как и вознесенный, в первом же сражении был побежден и убит². Он понес наказание за Деметрия, им убитого, и за Антиоха, которого лживо назвал своим отцом.

---

¹ 145 г. до н. э. На стороне Деметрия сражались и войска того же самого Птолемя Филометора, который раньше поддерживал Баласа (см. выше, XXXV, 1, 6 и прим.).

² После поражения Балас бежал к набатейскому шейху Забдилу, но там его убили и голову его выдали Птолемею (I Масс., 11, 16—17).